Царетворец. Волчий пастырь

Автор:
Алекс Делакруз

Царетворец. Волчий пастырь

Алекс Делакруз

Царетворец #1

Еще вчера он был владетельным герцогом, любимцем власти и богов, армии и народа. Еще вчера ему улыбалась красавица невеста, а жизнь играла яркими красками…

Вот только это «вчера» случилось сто девятнадцать лет назад, а сегодня он вернулся из Посмертия волею судьбы и богини Морриган. Вернулся когда все, что ему дорого, рушится как карточный домик. Вернулся в тело юного наследника фамилии, которого даже отец называет ничтожеством. Вернулся в самое начало пути, лишь первыми шагами которого ему придется пройти через предательство, любовь, власть силы.

И через повторную мясорубку отбора в Корпус.

Алекс Делакруз

Царетворец. Волчий пастырь

Алекс Делакруз

* * *

Краткие необходимые пояснения

Юпитер – обитаемая планета (не Солнечной системы), на которой находятся материки Септиколия и Атлантида.

Европа и Элизиум – обитаемые спутники Юпитера.

Разлом – три каньона (Шрама) на материке Септиколия. В Шрамах периодически открываются порталы (прорывы) в принадлежащее демонам иномирье.

В дополнительных материалах есть набросок карты Септиколии и некоторые пояснения.

Первые люди – коренное население Септиколии.

Терране – потомки тамплиеров и владеющих магией жителей планеты Земля, в 1312 году бежавших на Юпитер от гонений и инквизиции.

Индигеты – люди, владеющие магией и пользующиеся покровительством богов. Они же – первое сословие. Магия индигетов-терран и индигетов-первых людей различается.

Второе сословие – слабо владеющие магией аристократы без богов-покровителей, службой на защите границ Разлома выкупающие себе права и привилегии.

Третье сословие – аристократы, не служащие на защите границ Разлома.

Дом или фамилия – владеющая магией династии, клановая организация индигетов.

Гильдии – сословные объединения свободных граждан.

Зеленая корона, или Сияние – свечение верхних слоев атмосферы Юпитера. Внешне похоже на земное Полярное сияние. Изредка случаются сияния золотое, пурпурное или красное – особо сильное, знаменующее очередной прорыв демонов в Шрамах Разлома.

Постоянное сияние атмосферы связано с тем, что на Юпитере бушуют геомагнитные бури, в том числе мощные – на Земле последняя подобная произошла в 1859 году.

Мир – техномагический, с упором на сложные магические технологии, такие как портальное перемещение. Происхождения большинства магических технологий, а также способы их реализации, держатся в тайне Орденом Хранителей. Развитие обычной техники примерно на уровне 50-х годов XX века на планете Земля.

Электричество септиколийско-терранской цивилизации известно, но сложная электроника, ввиду невозможности постоянного использования из-за геомагнитной активности Солнца, распространения не получила.

По земному летоисчислению год начала рассказываемой истории – 2022.

Глава 1

«Да это вообще не твой ребенок!»

Эхо слов, произнесенных почти пятнадцать лет назад, до сих пор отчетливо звучало в памяти. И до сих пор, несмотря на минувшие годы, выжженные в памяти слова не оставляли его равнодушным – боль еще жила. Пусть приглушенная, застарелая, но она по – прежнему ворочалась внутри, глубоко раня душу острыми шипами.

– Доминик!

Воспоминания прошлого прервал громкий хлопок ладонью по столешнице.

– Ты вообще слышишь, что я тебе говорю!? Твой сын – ничтожество! Ты воспитал настоящее чудовище! Ты сделал из моего внука…

– Это не твой внук.

– …посмешище, он недостоин фамилии-и-и… Что?

Герцог Десмонд Веспасиан де Рейнар, канцлер палаты лордов Сената Римско-Септиколийской империи, лорд – протектор Западной Варгрии и почетный префект Равенны на Темной стороне Европы, замер на полуслове, подавившись окончанием фразы. Глаза герцога расширились, а широкое лицо, с тяжелой, словно высеченной из камня челюстью, приобрело глуповатое выражение.

– Не волнуйся, отец, – усмехнулся Доминик. – Это ничтожество, как ты сказал, не твой внук. Потому что это не мой сын.

Герцог Десмонд попытался вздохнуть и вдруг почувствовал, что ему не хватает воздуха. С побагровевшим лицом он смотрел на Доминика, не в силах понять и принять новую реальность.

– Почему ты… как… почему я не знаю?..

Доминик, видя замешательство старого герцога, невесело усмехнулся.

– Почему ты не знаешь? Может быть потому, что ты и не подумал узнать истинную причину, почему твой младший сын отказался от прав фамилии и вступил в Орден Белых Тамплиеров? Или может потому, что ты семнадцать лет назад даже не счел нужным проанализировать, почему именно тебе, варгарианскому мяснику с окраины империи, Великий Дом Альба вдруг решил отдать в фамилию одну из своих дочерей? Или, возможно, ты не знаешь этого, так как мы с тобой видимся впервые за пятнадцать лет, отец?

– Что ты себе позволяешь!? – в коротком приступе ярости ударил кулаком по столу старый герцог, приподнимаясь со стула. – Как ты смеешь так со мной разговаривать?

– Ты сам скажи, как мне с тобой разговаривать, – со злым выражением произнес Доминик. – Если как с отцом, который неудачно использовал сына в своей грызне за власть и забыл о нем на пятнадцать лет, а сейчас заявился без приглашения, то будь добр выслушать меня и не перебивать. Если же ты хочешь поговорить со мной, как с рыцарем-командором, то я прямо сейчас же попрошу тебя покинуть мой дом и запросить разрешение на встречу по официальным каналам…

Доминик говорил что-то еще, высказывая все, что у него, волею судьбы и политики отца, выброшенному из фамилии, накопилось за долгие годы. Десмонд слушал его, но уже не слышал. Старый герцог наконец осознал, что вся его жизнь, весь долгий век кропотливой и кровавой работы по возвышению Дома Рейнар буквально пошли прахом.

Все рушилось, как карточный домик.

– Ты слышишь меня!? – уже Доминик звучно хлопнул по столу, привлекая внимание отца.

– Слышу, – кивнув, негромко произнес Десмонд.

Доминик хотел продолжить, открыл было рот, но осекся на полуслове. Потому что сидящий напротив него старый герцог вдруг из одного из могущественных людей в обитаемом мире превратился в усталого старого человека. Он ссутулился и погрузнел, взгляд его потускнел, заметно проявился второй подбородок, а щеки опустились массивными брылями.

Старый герцог поднялся – ему категорически не хватало воздуха. Пошатываясь от внезапно накатившей слабости, Десмонд прошел через кабинет и, толкнув высокие двери, вышел на балкон. Здесь ноги его чуть было не подвели, и Десмонд почти рухнул вперед, удержавшись от падения и лишь вцепившись в резные поручни балкона.

Глубоко дыша, старый герцог пережидал приступ слабости, понемногу приходя в себя. Подняв взор, он разглядывал панораму огромного Юпитера, занимающего более половины неба. Отсюда, со Светлой стороны Европы, были хорошо заметны очертания зеленого материка, лазурь и синева морей в северном полушарии, желто-коричневые просторы Великой пустыни в южном; хорошо виднелись и три багровых, тлеющих шрама Разлома – протянувшиеся

через всю Септиколию каньоны, места прорыва демонов из иномирья. Гноящаяся адским огнем рана на поверхности Юпитера.

Багрянец отблеска магмы в каньонах Разлома прорывался даже через свет зеленой короны Сияния, венчавшей северное полушарие. И глядя туда, где на Юпитере находились фамильные земли, герцог Десмонд думал о том, что ведомый им Дом Рейнар его стараниями ведь уже практически получил статус Великого. Думал о том, как глупо и практически в один миг все закончилось.

В эти мгновения Сияние короны Юпитера вдруг стало ярче и даже пошло рябью, как будто в ответ на его пораженческие мысли.

Десмонд не был на Севере долгие годы.

Жизнь в благополучных столицах его изнежила, вдруг с полной ясностью понял он, досадуя на самого себя за приступ слабости. Впрочем, еще ничего не закончилось – зло усмехнулся старый герцог, глядя на яркие вспышки на короне Юпитера. Как все просто, как и большинство гениальных решений – подумал он, глядя на мерцание Сияния, что было и силой, и проклятьем обитаемого Севера.

Зеленый свет небес нес особый, отличный от других магический дар, дающий власть не над элементами и стихиями, а над телами и душами. При этом Сияние влияло на людей, изменяя их, так что после смерти человек превращался в неуправляемое чудовище, движимое инстинктами. И ни один город, гарнизон или даже простая деревня на Севере, в зоне активного Сияния, не выжили бы без штатных некромантов, борющихся за посмертный покой. Посмертие – еще один великий дар и проклятие, которое владеющие даром фамилии индигетов Севера еще в незапамятные времена сумели поставить себе на службу.

Десмонд, бросив последний взгляд на корону Сияния, за отсветами которой хорошо виднелись очертания снежных шапок Варгрийского хребта, улыбнулся. Даже, скорее, опасно оскалился. И прислонив в почтительном жесте кулак к левой стороне груди, отдавая должное богине-покровительнице, он вернулся в кабинет. Уверенно шагая, теперь это был прежний герцог де Рейнар, канцлер, лорд-протектор и префект, один из самых могущественных политиков объединенной Империи индигетов, терран и первых людей.

Доминик внимательно смотрел на вернувшегося с балкона отца, который не заставил себя долго ждать.

– Кайден Доминик Альба из Дома Рейнар, который не является твоим сыном, и не приходится мне внуком – с сегодняшнего дня единственный наследник герцогского титула де Рейнар, – негромко проговорил Десмонд.

Доминик попытался что-то сказать, но лишь сипло выдохнул – настолько он оказался потрясен услышанным. Старый герцог, глядя ему в глаза, кивнул.

– Прорыв демонов в Бернгланде. Форт Марии Терезы полностью уничтожен, весь гарнизон и два последних курса практикантов из Академии погибли. Сорок восемь индигетов, двенадцать из которых из Великих Домов.

– Даниэль… Давид? – все еще не веря, шептал Доминик. – Кальвин, Кетрис, Катрин…

– Все! – не сдержал эмоции и рявкнул Десмонд, стараясь заглушить криком боль.

Несколько минут двое оставшихся в живых членов некогда многочисленного Дома Рейнар просидели в молчании.

– Я про это еще не слышал, – негромко произнес Доминик, демонстративно покосившись на белый щит с красным мечом-и-серпом на своей груди, намекая на то, что в Ордене о случившемся не знают.

– И не услышишь. Это государственная тайна, ни Ассамблея, ни Орден пока не готовы к такой информации. Сорок восемь погибших индигетов и…

– И кто?

– Не могу пока сказать, – насупился герцог Десмонд. – А теперь расскажи мне про… Кайдена.

– Все просто. Сесилия Альба, которую Великий Дом Альба позволил тебе сосватать для меня, в момент помолвки была уже беременна.

– То есть… Они сознательно отдали нам ее?

– Да.

– Но почему ты мне об этом не сообщил?

– Это ничего бы не изменило. Ты не задал самый главный вопрос.

– От кого она нагуляла?

– Неправильный вопрос.

– Но тогда как…

– Сесилия была любовницей Макса.

Герцог Десмонд вскочил из-за стола, сжав кулаки. Теперь он все понял.

Тиран Максимилиан, седьмой своего имени, правитель Римско-Септиколийской Империи, primus inter pares, первый среди равных, первый среди владеющих даром индигетов. Император, погибший в результате покушения через два месяца после коронации – и после расследования Конгрегации обвинены в организации убийства императора были белые львы, Великий Дом Альба.

Герцог Альба и двое его старших сыновей были казнены, еще четверо мужчин фамилии приняли присягу ордену Тамплиеров, а трое пропали без вести. И после такого удара Дом Альба до сих пор не оправился. Пусть и сохранив постоянное место в Палате лордов – волею тирана Фридриха, вступившего на престол после смерти своего старшего брата. Но после казни и лишения прав фамилии всех мужчин рода, Великими Альба являлись теперь лишь номинально. Во главе Дома только совсем недавно, наконец-то приняв полномочия от назначенных Сенатом регентов, встала уже как год достигшая совершеннолетия восемнадцатилетняя Алисия.

– Тем более почему ты мне не сказал? Это же указывает, что Альба в убийстве Императора не были замешаны, и…

Доминик смотрел на отца, пытаясь скрыть презрение. Потому что именно то, что старый герцог, словно стервятник, как будто шакал из многочисленной стаи, рвал владения упавших Альба, формально и послужило причиной их размолвки и выхода Доминика из фамилии Рейнар.

– Это является для тебя тайной? – усмехнулся он. – Об этом даже шуты диких лесных батарнских баронов догадывались, как мне кажется. Да и скажи я – ты отказался бы от добычи? Отказался бы от желтого лириума?

Герцог Десмонд после его слов дернулся и, сжав кулаки, замер.

– Нет, это не является для меня тайной, – сквозь зубы проговорил он. – Почему ты не воспитал Кайдена как нормального человека? Тем более, что ты знал, что это ублюдок Макса?

– Сесилия помешала. Она ненавидела своего сына не меньше, чем меня.

– Почему? – удивился Десмонд. В его представление о мире просто не укладывалась мысль, что женщина способна ненавидеть собственного ребенка.

– Потому что Сесилия, по ее разумению, должна была жить на Элизиуме или войти в один из Великих Домов, или даже занять трон Империи… но вместо этого оказалась в покрытой зеленой плесенью Равенне, замужем за вонючим варгарианцем, от которого за лигу смердит мертвечиной, – явно процитировал Доминик, – и похоронила свою жизнь на Светлой стороне Европы. – Ей надо было кого-то в этом винить, а организаторы ее интрижки с Максом и нашего с ней замужества – герцог Альба и его сыновья, окончили жизнь на плахе. Сесилия выбрала в кандидаты для ненависти и презрения меня, ну а Кайден в ее мироощущении сгодился на роль причины собственного падения. Она к нему первые пять лет даже не подходила.

– Ты мог бы сам…

– Заняться его воспитанием? – усмехнулся Доминик. – Мне это зачем? – вкрадчиво поинтересовался он.

– Но последние годы она изменила к нему отношение, – проигнорировав вопрос, произнес Десмонд.

– Да. Она поняла эмоциональную ошибку, успокоилась, приняла новую реальность и даже пару лет назад воспылала материнской любовью. Но уже поздно. Кайден… ты сам назвал его ничтожеством. Недавно он, вернувшись домой пьяный, в ответ на нравоучения просто сломал ей руку и скинул с лестницы.

– Даже так?

– Даже так. После этого я отдал ему старый особняк в предместьях, и он теперь живет один. Но мне кажется, хватит на сегодня моего грязного белья. Говори, зачем пришел.

– Ты знаешь, что Кайден спит с баронессой Бланшфор?

– Об этом вся Европа знает. Он не только с ней спит, если тебе будет это инте…

– Послезавтра Кайдену исполняется семнадцать лет, он становится совершеннолетним.

– Спасибо, что напомнил, но я знаю. Мы с Кайденом все же хоть изредка, но встречаемся, так что я в курсе о его возрасте.

– Уже завтра, заранее, барон Бланшфор пришлет ему вызов на дуэль.

– Вот как? Он же из третьего сословия.

– Барон вчера тайно вошел в Дом Кастельмор. Ему отдали второй женой владеющую из побочной ветви фамилии, так что теперь при соблюдении формальностей он имеет право…

– Отец.

– Да?

– Механизм я понял, а на детали мне плевать. И на Кайдена, на Бланшфора, и на то, как Кастельморы собираются это провернуть, мне тоже плевать. Имеют право.

– Кайден – наследник нашего Дома, он не должен умереть!

– Отец, похоже, горе затуманило тебе разум. Кайден – не мой сын, он не кровь фамилии. Если это недоразумение погибнет, я грустить не буду. Если же ты хочешь его спасти, то можешь нанять бретера, дать ему задание спровоцировать Бланшфора на дуэль и заранее его убить. Или же найти бандитов, которые проломят ему голову в подворотне, или устроить ему несчастный случай… но даже тебе это с рук не сойдет, все будет шито белыми нитками, и в Ассамблее определенно потребуют лишить тебя должности канцлера.

– Сияние, Доминик.

– Кайдену пройти посвящение в Сиянии? Сила его не признает, волки и тем более Морриган не откликнутся, отец! Это не мой ребенок, это сын Макса и Сесилии, ты уже забыл?

– Я знаю, что нам делать, – негромко произнес герцог Десмонд.

– …кроме того, – даже не заметив его слов, продолжил Доминик, – как ты не можешь не понимать, Кайден – это оружие, которое можно повернуть против тебя. Даже если ты организуешь убийство барона или подтасуешь результаты Испытания, Кайден не Рейнар по крови! Тебя смешают с грязью, и…

– Я знаю, что нам нужно делать, – перебивая, с уверенной настойчивостью повторил Десмонд.

– Что же? – скептически хмыкнул Доминик.

– Я сам убью Кайдена.

В ответ на это Доминик лишь удивленно поджал губы.

– А зачем? – вкрадчиво спросил он.

– Посмертие. По Реке Крови я призову душу одного из наших предков в его тело.

– Это же… запрещено Кодексом, – ахнул Доминик.

– Кодексом? – усмехнулся Десмонд. – Кодексом Конгрегации инквизиторов, который утверждает Сенат? Я варгарианец из Дома Рейнар. Я выше этого Кодекса.

– Никто не может быть выше Кодекса, – оцепенело произнес Доминик.

Десмонд вдруг расстегнул ворот мундира и достал небольшой амулет в виде раскинувшего крылья ворона. Сжав его, так что крылья взрезали ладонь и напитались кровью, Десмонд спрятал амулет, застегнул ворот и поднялся из-за стола, расправив плечи.

Глаза его были закрыты, вены на висках набухли, кулаки сжались. И когда Десмонд открыл глаза, они загорелись живым зеленым сиянием, а за спиной, как показалось Доминику, широко раскинулись непроглядно черные крылья ворона.

– Никто? – голос Десмонда разнесся по комнате, вернувшись эхом тысячи голосов.

За спиной герцога, за черными, словно сотканными из тьмы крыльями, Доминик явно ощутил незримое присутствие девы Морриган, почитаемой на Севере триединой богини.

– Ты ставишь правила Конгрегации выше воли нашей богини? – произнес Десмонд. Его слова вновь обволокли Доминика эхом тысячи голосов, а черные крылья ворона стали еще больше и плотнее в сгустившейся тьме.

Доминик попытался было что-то сказать, но не смог – у него пропал дар речи. Десмонд шагнул вперед, и взял его за горло. Доминик чувствовал, как по его коже ползут, обвивая и отдавая могильным холодом, сгустками тьмы черно-зеленые змейки.

– Ты отказался от прав и привилегий нашей фамилии… хочешь ли ты сейчас отказаться от варгрийской крови? – негромко поинтересовался Десмонд, глаза которого уже полностью заполнил зеленый отсвет.

– Моя кровь останется на моей земле, – ответил Доминик, произнеся единственно возможные сейчас слова. Единственные слова, которые оставили бы ему право на жизнь.

Хватка Десмонда ослабла и Доминик, рыцарь-командор Ордена Тамплиеров, опустив взгляд преклонил колено. Не перед герцогом, а перед незримо стоящей у него за спиной Морриган. Черные крылья за спиной герцога растворились, как будто их и не было, а зеленое сияние глаз погасло.

Долгое время в кабинете стояла полная звенящая тишина.

– Б-б… б-б-б… – не справился сразу с голосом Доминик. – Б-б-богиня не защитит тебя от Сената и Императора, а им это не понравится. И за такие дела ты сам очень быстро окажешься в Реке Крови, отправившись на плаху следом за герцогом Альба.

– Ты!.. – вновь приподнимаясь, упер руки в стол мгновенно разъярившийся герцог, который воспринял это как угрозу от Доминика – рассказать о планируемом ритуале замены души.

– Нет, отец. Не я. Сесилия.

– А ты побежишь ей докладывать? – уже почти прорычал Десмонд.

– Да успокойся ты наконец, – устало покачал головой Доминик. – Ты думаешь, Сесилия не почувствует, что ее сын – больше не ее сын?

– Пусть даже и почувствует. Когда это случится, поставишь ее перед фактом и…

– Отец. Она – истинная Альба. Индигет, первое сословие. Сесилия из Великого Дома, ты думаешь, она примет отправку души сына в посмертие и просто так это оставит?

– Реши с ней вопрос.

– Что значит «реши вопрос»? Я не смогу заткнуть ей рот.

– Ты забываешься, Доминик! На кону сейчас не просто власть и влияние, а само существование Дома Рейнар!

– Это ты забываешься, отец, – усмехнулся Доминик. – Я уже давно не член фамилии.

– Значит, я заберу Кайдена и сделаю то, что собираюсь. С Сесилией потом разберусь сам…

– И настроишь одну из Альба против себя.

– Альба уже давно Великий Дом только на бумаге! А Сесилия – твоя жена!

– Как минимум она может придать твою некромантию огласке, и я не смогу ей помешать. И в случае, если твой план станет известен, против тебя ополчится вся Европа.

Десмонд, который видя цель привык переть как бык, скривился – так как понимал, что Доминик прав.

– Чего ты добиваешься? – глухо спросил старый герцог.

– Признай моих дочерей. Введи их в Дом Рейнар, и я помогу тебе решить вопрос с Сесилией.

– Признать дочерей от твоей новогородской шлю… – взвился было Десмонд, но осекся под жестким взглядом Доминика. Под взглядом не младшего сына, но рыцаря-командора Ордена Белых Тамплиеров.

– Признать и ввести в Дом детей от твоей наложницы, купленной у какого-то купчишки из Новогорода?

– Да, – просто ответил Доминик.

– Сесилия тебя ненавидит, – сквозь зубы произнес Десмонд. И это звучало больше как вопрос.

– Отец. Мы с Сесилией уже пятнадцать лет изображаем идеальную семью, образцовую пару высшего общества Равенны. Поверь, несмотря на взаимную нелюбовь, мы уже давно научились находить общий язык, – грустно усмехнулся Доминик. – Но дело не в этом. Уж поверь, если я говорю, что решу вопрос, значит я его решу. Тебе это не очень понравится, но… результат я гарантирую.

Десмонд некоторое время смотрел на младшего, давно ставшего ему чужим сына.

– Хорошо. Я признаю твоих дочерей и возьму их в фамилию с полными правами, а ты обеспечь меня лояльностью и молчанием Сесилии.

– Обеспечу. Будь уверен.

Глава 2

В особняк Кайдена в предместьях Равенны старый герцог отправился сразу же после разговора с Домиником. И расположившись на террасе второго этажа, Десмонд ждал уже третий час.

В Равенне к этому времени наступила «неночь» – Европа проходила над ночной стороной огромного Юпитера, который полностью скрывал маленький спутник от лучей солнца. Но темно не было – улицы города теперь были озарены отсветом Сияния Зеленой короны.

Именно поэтому обращенную к Юпитеру сторону Европы и называли Светлой: она всегда была освещена либо отраженным от Юпитера светом солнца, либо зеленым отблеском Сияния. «Зеленой плесенью», как презрительно, скрывая страх перед подчиняющим души зеленым сиянием, сопровождающим волшбу некромансеров, называли этот свет жители Темной стороны Европы.

Десмонд сидел, смотрел на Юпитер, ждал и ждал, не выказывая нетерпения. Даже не менял позу, глядя вглубь воспоминаний и отключившись от реальности.

Наконец, когда через час после полуночи пасторальную тишину предместий разорвал приближающийся рокот двигателя, герцог встрепенулся. Он услышал, как скрипнули открываемые сторожем ворота, увидел, как мазнул по стене и террасе особняка свет фар. Услышал, как двигатель рыкнул, разгоняя мобиль в небольшом дворе.

Судя по скрипу тормозов и хрустящему металлическому звуку удара, припарковался водитель прямо в высокие ступени широкого крыльца. Впрочем, несмотря на досадное недоразумение, прибывшая компания совершенно не расстроилась. Захлопали двери, громкий смех и веселые пьяные выкрики разорвали ночную тишину. Судя по звукам, Кайден приехал с большой компанией, вернувшись с очередной гулянки.

Звонкий, рвущий ночную тишину смех довольно быстро переместился в здание, став более приглушенным. Но все равно прекрасно слышимым – дверь кабинета на галерею старый герцог оставил приоткрытой.

Еще несколько минут Десмонд слушал, как в доме то и дело раздаются бодрые выкрики, пару раз гремела и звенела бьющаяся посуда, звучали надменные окрики на прислугу. Видимо, кто-то попытался доложить Кайдену, что в особняк прибыл герцог де Рейнар, но не сумел: послышался хлесткий звук удара и сдавленный вскрик боли. За которым Десмонд различил пьяную отповедь о том, что, когда хозяин веселится, не стоит лезть под руку без причины. А так как дом не горит, и под лестницей не спряталась боевая звезда инквизиторов, то и причины отвлекать хозяина нет.

В этот момент у герцога негромко завибрировал коммуникатор на поясе. Десмонд прижал два пальца к коже перед ухом, активируя связь.

– Сэр Десмонд. Фон Карловиц на связи, – послышался голос, который Десмонд узнал несмотря на искажение помех.

Сияние короны сегодня ночью было настолько яркое, что сбивало даже магическую связь на Европе, а на Юпитере коммуникаторы сегодня вообще

бесполезны.

– Слушаю, сэр Пауль, – ответил Десмонд коннетаблю Ордена белых Тамплиеров.

– Десмонд. Ваш сын, Доминик.

– Что случилось?

– Около получаса назад, когда Доминик возвращался с приема де Лариан, его мобиль сорвался с горного серпантина. Мы отправили на поиски команду риттеров и некромансеров, но… я не могу обнадежить вас надеждой, эманаций сияния жизни по пеленгатору не выявляется. Есть только эхо посмертия. Примите мои соболезнования.

– Спасибо, сэр Пауль. Я отправлю на место своих людей.

– Не буду препятствовать, – произнес фон Карловиц и прервал связь.

«Тебе это не очень понравится, но… результат я гарантирую», – прозвучали в памяти герцога слова Доминика.

Поморщившись со злостью и раздражением, старый герцог поднялся и прошел на балкон. Досадуя, что не догадался, что именно хочет сделать Доминик. Видел же, но не обратил достаточно внимания, что тот выглядит крайне усталым и утомленным от самой жизни. И сейчас, когда Доминик решил вопрос с введением дочерей своей наложницы в фамилию, жить ему стало просто незачем.

Глядя на зеленую корону Юпитера, Десмонд вдохнул свежего ночного воздуха.

Слишком много потерь за последние дни. Сыновья, внуки и внучки… Дом Рейнар истончался, исчезая словно на глазах. И Десмонд чувствовал, как сила фамилии стремительно утекает, как будто песок сквозь пальцы.

Пока Десмонд смотрел в небо, внизу, во дворе, уже намечалась рабочая суета. Гильдейский механик, судя по его форменной ливрее, вместе с дворецким и садовником откатывали машину от крыльца, убирали созданный беспорядок,

собирали осколки фар, подбирали отвалившийся бампер и хромированную решетку.

Десмонд, глядя на суету персонала с разбитой машиной невидящим взглядом, через коммуникатор вызвал капитана своей личной гвардии. Ждать его пришлось недолго. Когда длинный серебристый мобиль Кайдена, с так модным сейчас среди молодежи Европы открытым верхом, откатили в гараж, на дальнем конце улицы уже показался свет фар. Несколько секунд, и темная машина с черно-зеленым щитом Дома Рейнар на капоте заехала в ворота.

Седой Вальдер, вот уже более полусотни лет бессменный капитан личной гвардии Дома Рейнар, выскочил из машины и сразу увидел герцога на балконе. И замер, когда Десмонд сделал ему знак подождать. После чего старый герцог развернулся и вышел с террасы. Широким шагом Десмонд прошел по галерее второго этажа и остановился у испуганной от его появления прислуги, убиравшей следы разлитого в гостиной вина и осколки разбитых бутылок.

– Где Кайден? – поинтересовался Десмонд у ближайшей оцепеневшей горничной.

– У себя в покоях, достопочтенный, – склонилась в низком поклоне девушка. Учитывая, что она и так стояла на коленях, вытирая разлитое вино, при поклоне она лбом коснулась пола.

– Проводи.

Испуганно дернувшись, горничная вскочила и повела Десмонда к комнатам Кайдена. Здесь герцог коротким жестом отправил горничную прочь, сам же без задержек распахнул двери. На комнату был наложен шумовой полог, так что безмолвие коридора, едва Десмонд перешагнул порог, одномоментно сменились громкими звуками.

В первой комнате, в большой зале, расположилось человек пять – все молодые, в мундирах гимназистов и костюмах студиозов. Время они проводили с вином, песнями и плясками, любуясь на извивающуюся на столе полуголую распутную деву.

И почти все, в том числе и дева, едва герцог шагнул в комнату, замерли. Все кроме одного студиоза – тот, отвернувшийся от двери, продолжал рассказывать смешную историю, сейчас нелепо звучащую в наступившей тишине. Впрочем, пьяный рассказчик на это внимания не обращал. Но и заткнулся он почти сразу, звучно хакнув вышибленным воздухом после ощутимого тычка в бок. Не обращая никакого внимания на гостей Кайдена, старый герцог прошел через комнаты и вошел в спальню.

Широко распахнув дверь, на пороге он невольно замер. Открывшаяся его взору картина вполне соответствовала недавней тенденции гиперреализма в живописи, набирающей популярность в Европе: реалистичное и правдивое изображение гламурного прожигания жизни, вульгарной роскоши с привкусом порока.

В центре спальни, на огромной круглой кровати, в любовном экстазе слились двое. На спине, прижимая к груди колени сведенных вместе ног, возлежала, извиваясь и сжимая в ладонях простынь, прекрасная Филиппа, баронесса Бланшфор. Хорошо известная всей Европе своими статями, привлекательностью и истинно лангобардским темпераментом.

Над Филиппой, словно укрощающий богиню античный герой, возвышался, стоя на коленях, Кайден Доминик Альба из Дома Рейнар. Пепельноволосый юноша одной рукой, словно поводья, держал Филиппу за щиколотки сведенных вместе ног, а во второй, в поднятой будто с флагом руке, у него была пузатая бутылка игристого вина. Как раз сейчас Кайден картинно клонился назад, словно объезжающий строптивую лошадь наездник. И с азартным возгласом он перевернул бутылку: пенистый искрящийся напиток полился прямо на баронессу, придавая влажного блеска всей картине сплетенных обнаженных тел.

– Ах! Ах! А-а-ах! – стонала Филиппа, широко раскинув руки, еще сильнее сжимая и сбивая забрызганную вином простынь.

Кайден сделал паузу в ритме движения. Переведя дыхание, юноша сделал несколько глотков вина. С шипением напиток вспенился, потек у него по подбородку, капая на грудь и искристо проливаясь дальше на мокрую от пота и вина Филиппу.

– Allez, allez, mon cher! Allez! – реагируя на его остановку, выдохнула в нетерпении томления Филиппа.

Освобождая щиколотки от захвата Кайдена, баронесса резко раздвинула и широко развела ноги продемонстрировав растяжку гимнастки. Кайден возмущенно фыркнул, выплевывая вино, а Филиппа уже требовательно обхватила его бедрами, сплетая ноги за спиной.

– Ох! Ох! О-о-ох… ох… – уже вскрикивала Филиппа, притягивая к себе Кайдена и задавая темп.

Когда юноша прянул вперед и обнял ее, она упруго выгнулась дугой, притягивая его к себе. Филиппа даже вцепилась ему в длинные пепельные волосы, ища губы для поцелуя. Но Кайден роль укротителя отдавать не желал. Отстранившись от обнимающей его баронессы, он подхватил ее под бедро, с уверенной резкостью переворачивая на живот.

Меняя позу, Филиппа широко раскрытыми, но невидящими глазами скользнула по комнате. Впрочем, ее взгляд, затуманенный вином и наслаждением, все же сначала зацепился, а после сфокусировался на фигуре герцога. Кайден, навалившись на баронессу сверху, продолжил ритмично двигаться, комнату вновь оглашали звучные шлепки мокрых тел. Но Филиппа уже не реагировала, вырвавшись из томной неги. Она трезвела буквально на глазах, понимая, кого видит перед собой.

И окончательно уверившись, что герцог де Рейнар на пороге – это реальность, а не мираж, баронесса тоненько и испуганно взвизгнула. Кайден даже не обратил на это внимания. Не желая прекращать волнительное торжество плоти, он отбросил бутылку на кровать, и обеими руками крепко сжал и потянул Филиппу за ягодицы, заставляя встать на колени.

Филиппа же, вместо того чтобы упасть лицом в подушку, попыталась соскочить с кровати. На локтях она ползла вперед, подминая под себя простынь и подушки. Кайден ее не отпускал, притягивая к себе и воспринимая происходящее, как продолжение любовной игры. Более того, навалившись сверху, юноша, пьяно бормоча, пытался целовать ее в шею.

– Кайден, милый… обернись! Кайден, мы не одни… – наконец, обретя дар голоса, тонко заголосила Филиппа.

– Пшли вон! – Кайден и не подумал оборачиваться. Более того, подхватив с мокрой простыни полупустую бутылку, он не глядя швырнул ее в сторону двери. Не глядя, но очень точно пузатая бутылка полетела прямо в незваного гостя.

Герцогу потребовалось всего мгновение – быстрое движение большого пальца, переворачивающее перстень печаткой вниз, сжатый кулак, и материализовавшийся в его руке артефакторный меч взмахом описал широкую дугу, создавая импульсное силовое поле. Защитившее герцога не только от летящей в него бутылки, но и от сопровождающих ее полет искрящихся брызг.

С упругим шипящим звуком пузатая бутылка врезалась в щит и, мгновенно исчезнув с глаз, стремительно отлетела прочь – обратно и вверх. Врезалась бутыль в зеркало на потолке, разбивая его и разлетаясь на мириады осколков, которые посыпались на кровать. Филиппа, пользуясь тем, что Кайден отвлекся, наконец освободилась от хвата его рук. Не обращая внимания на мелкие порезы, на четвереньках скатилась с постели. Подхватив платье, она стремительно побежала к выходу из комнаты.

– Милорд, – на бегу она умудрилась даже продемонстрировать поклон герцогу.

Десмонд на баронессу и мельком не посмотрел. Он сейчас, с выражением презрительного омерзения, взирал на Кайдена. Пьяный юноша, который так и стоял на коленях посреди кровати, обернулся к нему. Балансируя при этом руками, пытался сохранить равновесие. Он потерял точку опоры в виде Филиппы и сохранять вертикальное положение ему теперь было непросто.

– Т-ты кто, во имя шерстежопого дьяболо, такой? – затуманенным опьянением взором осмотрел Кайден неожиданного визитера. – Эй, человек… ты б убрал свою ковырялку, ей же порезаться можно, – не очень внятно произнес Кайден, заметив артефакторный меч в руке незваного гостя.

– Я твой дед, Десмонд Веспасиан де Рейнар, – ровным голосом ответил герцог.

– П-поу! – невнятно то ли кашлянул, то ли удивился Кайден. – Дед? Надо же, к-какие люди и без охраны… Слушай, подожди за дверью, дед, будь добр, я вроде

как еще не кончил… одно дело, ахах. Фили?.. – осмотрелся по сторонам Кайден в недоумении. – Фили, а ты где, mon amour?

Десмонд во время слов Кайдена лишь скривился. Понимая, что юноша пьян до такого состояния, что кроме удовлетворения животных инстинктов его не интересует больше ничего. И если Кайден сейчас осознает, что Филиппы рядом больше нет, он может просто рухнуть в мокрые простыни и заснуть мертвецким пьяным сном.

Отпустив меч, резким движением большого пальца Десмонд вернул перстень на место, заставив артефакторный клинок разматериализоваться, и быстрым широким шагом прошел к кровати, ступив сапогами прямо на простыни.

– Дед, а дед, ты вообще куда пре…

Кайден прервался на полуслове: герцог, чуть склонившись, кулаком ударил его в середину груди. Юноша хакнул, упал на спину и с широко открытыми глазами безуспешно пытался вздохнуть. Десмонд схватил его за волосы и грубо швырнул с кровати ближе к креслу, рядом с которым валялись детали снятой в спешке Кайденом одежды.

– Одевайся, – с металлом в голосе, добавив эха силы, произнес герцог.

Кайден, хотя и был юн и пьян, но он был сыном Альба и Максимилиана. Так что даже в таком состоянии на повеление голоса не отреагировал. Обычный человек от слов герцога замер бы, словно замороженный, но не Кайден. Резко и сипло выдохнув, он стряхнул с себя легкое оцепенение, собираясь сказать герцогу что-то резкое, но Десмонд уже был рядом. Массивный и широкоплечий, он надвигался на Кайдена, словно скала. Еще один удар в грудь, и поднявшийся было Кайден вновь рухнул на спину.

– Я сказал: одевайся! – уже без Голоса, но убедительным тоном повторил Десмонд.

Сквозь хрип Кайдена он услышал неубитый протест. Оглянувшись вокруг, старый герцог подошел к перевернутому столику, на котором, подготовленное слугами к прибытию юного господина, стояли подносы с фруктами, мясной нарезкой, свежими морепродуктами; поодаль таял лед из рассыпавшегося

ведерка, из которого выкатилась неоткрытая пузатая бутылка игристого вина.

Откинув в сторону оказавшуюся на столике часть ажурного нижнего белья Филиппы, Десмонд забрал из опрокинутой мешанины накрытого столика короткий нож для разделки устриц. Также поднял с пола почти полное ведро со льдом и вернулся к обездвиженному вторым ударом Кайдену. Высыпав тающий лед ему на голову и грудь, Десмонд в тот же миг опустился рядом с ним на одно колено. И поймав взгляд юноши, не глядя вниз воткнул нож для устриц ему в бедро. Кайден, выпучив глаза от боли, глухо и истошно взвыл, но короткий тычок костяшками пальцев в кадык заставил его захлебнуться стоном.

– Или ты сейчас одеваешься сам, и едешь со мной… Либо же я выбью из тебя дух, после чего тебя оденут другие люди, и ты поедешь со мной в состоянии овоща. Твой выбор?

Все еще сипло шипя, безуспешно пытаясь вздохнуть широко открытым ртом, Кайден, постепенно сбрасывая пелену опьянения, все же немного пришел в себя. Мутным, но уже более-менее воспринимающим реальность взглядом он осмотрел склонившегося над ним герцога. Узнав и поняв наконец, кто перед ним, Кайден мелко покивал.

– Вот и хорошо. Одевайся и делай это быстро, – поднялся Десмонд на ноги и отошел к выходу из спальни.

Справившись с дыханием и самостоятельно вырвав нож из бедра, Кайден лишь мельком посмотрел на рану. Едва морщась, он начал одеваться, слегка пошатываясь при этом.

Выходили из спальни они вместе с Десмондом. Старый герцог шел позади Кайдена, изредка подгоняя его хлесткими окриками. Ни в зале, ни в остальных помещениях особняка приехавшей с Кайденом компании больше не было. Студиозы и привезенная ими дева были не так пьяны, и канцлера Палаты лордов узнали сразу. Скрывшись моментально как можно дальше и переживая лишь о том, чтобы он не запомнил их лиц. Исчезла и Филиппа, оставив после себя лишь валяющееся в спальне белье, туфли на шпильках и легкий аромат духов.

Пройдя через гостиную, не обращая внимания на прыснувших по стенам слуг, герцог вышел из особняка и, подгоняя Кайдена на ступенях крыльца, сел в

открытую гвардейцем-водителем дверь мобиля. Капитан Вальдер проследил за тем, чтобы Кайден сел в машину с другой стороны.

– Куда мы едем? – глухо поинтересовался юноша, когда мобиль отъехал от особняка.

Десмонд после его слов поморщился – в салоне и так с появлением Кайдена повис густой алкогольный дух, а уж когда он открыл рот, нормально дышать стало невозможно.

Не отвечая сразу, Десмонд покрутил ручку стеклоподъемника, приспуская окно и впуская в салон свежий и чистый воздух.

– Мы едем домой, – произнес он, когда Кайден уже и не ждал ответа.

– Домой? – глуповато переспросил Кайден.

Десмонд не ответил.

– Эм… а «домой» – это куда? – поинтересовался Кайден чуть погодя.

– Мы отправляемся в замок Арль. Это на Юпитере, в Западной Варгрии. Фамильное гнездо Дома Рейнар, – пояснил Десмонд, не оборачиваясь к Кайдену.

Юноша после этих слов вздрогнул.

Во всей Империи, во всех ее благополучных городах и весях, а тем более на Европе, варгрийских всадников Врангарда боялись едва ли не больше, чем демонов Разлома. Потому что демоны и твари Разлома были где-то далеко, за чередой застав Пограничной стражи, а вот адских всадников варгарианских равнин, жутких некромансеров и безжалостных мясников, можно было встретить и в поселениях людей вживую.

– Зачем мы туда едем?

Кайден, ни разу не бывавший в Западной Варгрии, во Врангарде, явно испугался.

– Мы с тобой обратимся к духам предков по Реке Крови, – не соврал Десмонд.

– Зачем нам Река Крови? – шепотом спросил Кайден.

– Все мои истинные сыновья и внуки погибли два дня назад. Ты теперь – наследник титула, будущий глава фамилии. Тебе нужно засвидетельствовать богине и предкам свое почтение.

Кайден не ответил, в шоке от услышанного он потерял дар речи.

Десмонд на него по-прежнему не смотрел. Глядя в окно, старый герцог вдыхал свежий воздух и думал о том, что не только Кайден, но и сам он сегодня, после обращения к предкам в Посмертии, может не дожить до рассвета. Потому что Десмонд никогда не забывал, как и чьей именно кровью заплатил за свое возвышение не только на политическом Олимпе Империи, но и в иерархии фамилии. И Десмонд знал, что рано или поздно за свой поступок ему придется ответить.

Отмеренный Десмонду век пролетел довольно быстро. И похоже, настала пора отдавать долги. Впрочем, старый герцог намеревался еще побороться и надеялся, что сегодня не умрет.

Ведь все, что он делал в своей жизни, он делал только для возвышения фамилии. Предки, чьи души жили в Реке Крови Посмертия, это видели и знали, ибо сто девятнадцать лет назад он убил своего старшего брата прямо на алтаре рода.

Сейчас же настало время узнать, одобряют ли предки его действия.

Глава 3

Осознание себя возвращалось постепенно.

Я видел и чувствовал.

Я жил. Но жил как будто неполноценно, словно пребывал в состоянии полусна, отстраненно наблюдая за происходящим вокруг. Не чувствуя собственного тела, я сейчас парил как птица, наблюдая под собой картину времен начала эпох. Я следил за происходящим с высоты птичьего полета, но при этом воспринимал картину вплоть до мельчайших деталей.

Вплоть до мельчайших деталей и даже эмоций – я невесомо парил, наблюдал, чувствовал и видел, что бегущая рядом с людьми волчья стая находится в отчаянном положении. Худой матерый волк, много лет бывший бессменным вожаком, в недавней стычке потерял глаз и теперь держался ближе к двигающемуся последним человеку – самому сильному в племени. Самому сильному в племени людей, которое находилось в еще более отчаянном положении, чем волчья стая – волчата, в отличие от человеческих детей, хотя бы имели острые зубы и могли умереть сражаясь.

Они, конечно, сцепились бы – люди и варгрийские волки – варги, волколаки. Лютые враги, они бы уже рвали бы друг друга мечами и когтями, кололи копьями и рвали зубами, пробивали стрелами.

Люди и волки давно сражались, если бы не преследовавшие их демонические твари другого мира, лезшие из Разлома. И именно поэтому бегущий последним человек, такой же седой и матерый, как волчий вожак, лишь потрепал по холке огромного зверя, позволяя занять место рядом.

Конец был близок. Все это понимали. И люди, и волки были истощены голодом, ранами; люди, кроме усталости, несли с собой детей. Старики и раненые из племени людей, как и самые ослабевшие волки, уже давно остались позади. Пытаясь своими жизнями купить сородичам, бегущим от нового, открывшегося в земле шрама Разлома, хоть капельку времени.

Это произошло тогда, когда еще была надежда на спасение. Сейчас же, когда демоны загнали беглецов к реке, все – и люди, и варги, все понимали, что бег – лишь агония. Все они знали, что и впереди, и слева, и справа изгибающаяся излучиной Великая река, которую истощенным беглецам с погоней на плечах не переплыть. Демонические твари же прекращать преследование не собирались – стылый вой то и дело слышался позади. Раздаваясь все ближе и ближе.

– Туда! – крикнул вдруг человек-вождь и показал бегущим впереди людям на путь вдоль леса. Ведущий на скальный, озаренный сиянием утес – на место, куда никогда не ступала нога обычного человека. В точку концентрации Сияния. Не Сияния неба, а Сияния земли – туда, где в скальной породе жили медленно убивающие людей зеленые кристаллы лириума, озаряющие округу слабым изумрудным мерцанием.

Место, к которому никто из обычных людей, кроме жрецов Морриган, не имел права подходить под страхом смерти. Впрочем, во время появления шрама Разлома попробовавшие остановить демонов жрецы погибли первыми. И сейчас больше никто не мог запретить вождю позволить умереть так, как он того пожелает.

Авангард демонических тварей настиг беглецов у самого подножия озаренного Сиянием холма. Первый из преследующих демонов, выскочив наперерез из подлеска, врубился в середину вереницы людей и волков. После него из чащи выскочили еще три демона. Страшные и опасные, в полтора раза выше человеческого роста, твари ломали кости ударами тяжелых копыт, разрывали когтями шкуры волков, втаптывая их в землю. Женщины, несущие детей, бежали вперед, подгоняемые криками, мужчины останавливались и умирали с оружием в руках, выкупая своими жизнями остальным немного времени.

– Вперед, вперед! – закричал чудом выживший вождь племени, проломив последнему демону, которого обездвижили сразу десяток людей и варгов, череп булавой. Люди с волками поднимались с земли и продолжили бежать, оставив за собой страшный след из изломанных и окровавленных тел. Кристаллов сияния, возле которых находился каменный алтарь Морриган, достигло меньше половины беглецов. Считанная горстка людей и волков – все окровавленные, искалеченные.

Алтарь находился прямо под вырубленной в скальном массиве статуи богини, и вокруг него собрались последние беглецы-мужчины. Оставаясь прикрывать обход тех женщин и детей, кто тянулся вниз по незаметной тропе к берегу реки. Волки все до единого остались на месте, почувствовав, что выжившие мужчины собираются принять здесь свой последний бой.

Матерый волк, вожак племени, собирался было затянуть последнюю песнь, но не стал: он недоуменно смотрел на вожака племени людей. Который достал нож и полоснул себе вдоль по руке – от запястья до локтевого сгиба, взрезая вены.

Варг не понимал, зачем рвать стальным когтем себя, когда его можно попробовать воткнуть в демонов.

Вождь людей же протянул руку, из которой хлестала кровь, над кристаллами алтаря.

– Моя кровь останется на моей земле! Приди же и прими мою жертву, дева Морриган! – обратился к богине вождь.

И богиня пришла.

Я чувствовал ее присутствие – чувствовал, как меня словно мягкими крыльями подхватывает, все выше поднимая в воздух. И от касаний вороньих крыльев к моему телу постепенно возвращалась чувствительность.

При этом все так же с высоты птичьего полета я видел, как вместо того, чтобы превратиться в нежить, принесшие себя в жертву мужчины, наделенные силой богини, в алтарном круге дают отпор демонам. Видел, как на месте круга силы появляется поселение, вырастающее в замок. Видел, как ширятся владения племени, народа, варгрийской нации, породнившихся кровью с варгами людей; смотрел, как вырастают массивные башни замка Арль, как двигаются по Врангарду колонны воинов и стаи варгов, как трепещут черно-зеленые знамена на флагштоках.

Сквозь мелькающие столетия я видел историю варгарианцев и видел историю дома Рейнар – с того самого момента открытия второго и третьего шрамов Разлома, разделившего Запад и Восток Септиколии.

И я видел все это уже второй раз – первый раз было во время испытания посвящения, когда я принял силу Сияния. Сейчас же я видел все это второй раз…

Почему?

Осознанные мысли, чувства, эмоции и осознание возвращались постепенно. Сначала меня отпустила фокусировка на истории народа и фамилии, и я понемногу начал ощущать собственное тело.

А потом я понял и вспомнил, кто я такой.

Толстая каменная плита подо мной легко вибрировала, в голове раздавался шепот тысячи голосов; перед внутренним взором мелькали множества призрачных лиц, взглядов, осколков образов минувших поколений и эпох. Все это обволакивало меня теплым ветром родной энергии – Река Крови рода Рейнар прощалась и отпускала в мир живых меня, Доминика Веспасиана из Дома Рейнар.

После того, как осознал себя вернувшимся из Посмертия в мир живых, вернулись и воспоминания: детство, юность, гимназия, Имперский Лицей и Корпус Спарты, доблесть и трусость, штандарты легионов и гербы индигетов, война и мир, пыль военных дорог и белоснежные одеяния светских приемов, страдания и наслаждения, скандалы и почести, и… смерть?

Вот только как я умер? Это воспоминание было преградой, стеной, которую было сложно сломать. Пытаясь вспомнить, как именно покинул бренный мир, я распахнул глаза. В этот самый момент я, впервые за время, прошедшее с осознания себя, вздохнул. Поняв вдруг, что это мой первый самостоятельный вдох после того, как я вернулся по Реке Крови из Посмертия, воскреснув на родовом алтаре.

То, что я в замке Арль – в родовом гнезде Дома Рейнар, сомнений никаких: на потолке искусно выполненный, непроглядно черный силуэт ворона. Ворон Дома Рейнар – единственной варгрийской фамилии индигетов, которая вместо изображения лютого северного волка, варга, использует в гербе крылья ворона.

Знак девы Морриган, покровительствующей нам богини.

Силуэт ворона был настолько темен, что казалось поглощал свет. Он выглядел самым настоящим черным провалом в иной план бытия. Но по самому краю крылья ворона были подсвечены мягким зеленым светом – знак касания девы Морриган, триединой хранительницы любви, жизни и смерти.

Зеленые лоскутья отблесков Сияния мерцали и по стенам – алтарный зал Дома Рейнар, вырубленный глубоко в скале, находился в центре Источника, в одном из богатейших месторождений кристаллов зеленого лириума на Юпитере.

Голос памяти между тем стих, в зале повисла полная звенящая тишина; защита алтарного круга погасла, как и зеленый отсвет очертаний крыльев ворона. Богиня ушла, забрав с собой освещающий крылья отблеск. Но при этом на несколько мгновений в центре непроглядного мрака силуэта ворона загорелись очертания моего личного герба – знак пробуждения крови, возвращения в этот мир.

Я пошевелил пальцами – надо же, как приятно может быть элементарное действо. Особенно когда ты… Сколько лет, интересно, я провел в полумраке забытья?

Глядя на пятно мрака на куполе зала, я вспоминал. Словно блок стоял – сохраняя мне рассудок, отодвигая момент, когда я вспомню момент своей смерти. Я знал, чувствовал, как умирал – казалось, это произошло совсем недавно; знал, что это случилось, но не мог вспомнить как именно.

Нет, уже мог.

– Десмонд, – практически беззвучно пробормотал, даже прохрипел я.

Десмонд. Меня убил мой собственный брат. Убил здесь, в этом самом зале, подлым ударом в спину. И умирая, я сумел оглянуться, посмотреть ему в глаза.

– Прости, брат, – эхом в памяти прозвучали сказанные им тогда, в момент удара в спину, слова.

Так.

А это было и не эхо – голос определенно Десмонда. Но этот голос совсем не тот звонкий и молодой, что прозвучал, как казалось совсем недавно, под сводами этого зала.

Сжав кулаки, я поочередно напряг мышцы рук, ног; пошевелился, чувствуя, как в тело возвращается чувствительность. И только окончательно придя в себя, я приподнялся и сел на каменной плите алтаря.

– Прости, брат, – снова повторил Десмонд.

Он изменился. Я помнил его двадцатисемилетним, полным сил и энергии. Сейчас же передо мной стоял пусть и внушительного вида, полный силы, широкоплечий, но… старый человек.

Это же сколько же лет прошло?

– Сто девятнадцать лет, – ответил он на мой невысказанный вопрос.

«Сто девятнадцать лет», – замер даже я от навалившегося осознания.

Вернувшуюся было в тело жизнь, радость от вернувшихся ощущений, словно перерубили топором, почти оборвав связь с реальность. У меня же через неделю… через неделю, только сто девятнадцать лет назад должна была состояться свадьба…

Подавив импульс задать вопрос Десмонду, я промолчал. Сто девятнадцать лет – вряд ли Джессика меня ждала столько времени. Даже если и ждала, мы немного разминулись в реке времени – ей сейчас уже сто сорок шесть.

От осознания того, сколько времени я провел в Посмертии, впал в прострацию. Несколько долгих секунд я даже не дышал, пытаясь оценить услышанное. И только после этого почувствовал, что сжал кулаки настолько сильно, что ногти впились в кожу. Разумом понимая, но сердцем не желая воспринимать услышанное, я впал в странное оцепенение. Через которое, чувствуя, но не обращая внимания на боль, опустил взгляд и принялся рассматривать сжатые кулаки.

Не мои руки. Раскрыв ладони, я посмотрел на длинные и тонкие холеные пальцы, на ухоженные, также длинные (вот почему больно было) ногти. Причем ногти, некоторые из которых были покрашены в черный цвет.

Это так модно сейчас у молодежи? В мое время такого не было.

Не обращая внимания на Десмонда, пока не обращая внимания, я рассматривал руки и ноги своего нового тела. Юнец, причем… не то чтобы женоподобный, нет. Но очень уж… прилизанный. Нет, и в мое время мы щеголяли эпатажным внешним видом, но тогда все же мода более выраженно делилась на моду

мужскую и моду женскую. Но сейчас, глядя на эти длинные ногти, на аляповатый красный цвет пиджака, на V-образный, растянутый почти до пупка вырез футболки, через который видно голую грудь и крупную золотую цепь, подкатанные почти до колен узкие, обтягивающие ноги штаны… я немного растерялся.

Так, как я сейчас одет, в мое время могла бы выглядеть куртизанка из борделей Антверпена, Амальфи или Любека. А вот в Спарте или в Новогороде такую одежду даже у куртизанки бы не поняли. Не говоря уже о… Вдруг, я почувствовал слабое касание по щекам, как будто теплый ветерок подул. Касание, и эхо эмоций – спокойно-уверенных, покровительственных.

«Ну да, ну да. Понятно все, умолкаю», – подумал я, вспомнив, как на нашу молодежную моду реагировало старшее поколение. Которое, памятью предков, сейчас мне об этом отчетливо напомнило, устыдив мое брюзжание при виде внешнего вида моего нового тела.

Но, кроме эха памяти предков, было и еще кое-что, отчего оказалось легко отставить мысли о своем внешнем виде в сторону. Потому что в тот момент, когда я присел и опустил взгляд, осматривая себя, заметил, как в поле зрения мелькнули пепельные волосы.

Ни у кого в Доме Рейнар не было таких светлых волос. Кровь варгов – не водица, и все члены нашей фамилии, в мое время, были с темными как ночь волосами.

Так. А я вообще теперь кто?

– Это… кто? – поднял я взгляд на Десмонда, разведя руки в стороны.

– Это теперь ты.

– Дес, не делай из меня идиота и ответь на вопрос.

– Еще час назад это был мой… внук. Кайден Доминик Альба, наследник титула и будущий глава Дома Рейнар.

Кайден Доминик Альба. Альба. Великий Дом – чья кровь, получается, оказалась сильнее крови Рейнаров. Вот и разгадка светлых пепельных волос. У Альба, правда, волосы были белоснежными, как снег вершин Варгрийского хребта.

Кровь фамилий Рейнар и Альба вместе, надо же. Кто бы мог подумать. В результате и получилось у меня на голове такое пепельно-сизое недоразумение.

– Твой внук?

– Это долгая история, и я готов тебе ее рассказать.

– Кайден Доминик Альба… ты назвал сына моим именем?

– Да. Младшего сына.

– Что ты сказал отцу?

Десмонд открыл было рот, и… закрыл. Глубоко вздохнув, он попытался собраться с силами, снова открыл рот… и снова закрыл.

Я вопрос повторять не стал. Опустив взгляд еще раз, осмотрел себя. Спрыгнул с алтаря, опустился на корточки и одну за другой раскатал штанины так, что они теперь не оголяли щиколотки. Снял с шеи золотую цепь, жалея, что рядом нет ножниц – хотелось обрезать эту странную косу на голове. Нет, я без предубеждения к длинным волосам, в Гильдии авантюристов те же ведьмаки с длинными хвостами ходят, как и половина охотников; но не так же фигурно выбривать, как гриву у ухоженного скакового жеребца? Боже, еще и несколько тонких длинных косичек заплетено…

Выполнив весь набор действий, который в ситуации позволил мне хоть чуточку избавиться от аляповатости в облике, я принялся аккуратно ходить взад-вперед. Делая вид, что волнуюсь.

Сам же слушал свое тело. И с каждым шагом мне становилось все грустнее и грустнее. Тело теперь было полностью мое, я его чувствовал и двигался вполне плавно. На чужой взгляд – на взгляд обычного человека, двигался я плавно… Сам себе я же казался неуклюжим пьяным клоуном, который впервые

попробовал передвигаться на ходулях.

Попытался сформировать пару знаков – пальцы даже не гнулись; разворачиваясь, обозначил намек на боевой пируэт девятого круга, но в нужном моменте даже до уровня четвертого не повернулся.

Навыки знаний со мной остались, вот только новое тело не было к ним готово. И зная, как воззвать к силе, способной сжечь сотню демонов, я сейчас даже против десятка легионеров пехоты не выстою в тренировочном бою. Против десятка – пфф, мне бы и с одним справиться.

Я не готов. Мое тело не готово.

Это тело юнца, не прошедшего ни посвящения, ни принявшего Сияние.

Я вдруг отчетливо почувствовал себя беззащитным и голым. Ни щит поставить, ни знак простейший сформировать. Силы – пшик. Нетренированные мышцы не слушаются, отзвука Сияния не ощущаю. И если я попробую применить что-то из прежних навыков… Спешите видеть: гвоздь сезона, юный Кайден Альба Рейнар пытается показать боевую связку девятого круга, и у него ничего не выходит! Как вы думаете, почему?

Я зачем-то снова попробовал потянуться к силе Сияния – молчание. Уже не утаивая оценку возможностей нового тела от Десмонда, спустил пиджак с левого плеча – кожа чистая, метки варга нет. Как так?

Этот Кайден…

Этот я…

Я…

Это теперь «не этот Кайден», не «тот парень», а «я» – сказал я сам себе, заставляя принять новое мироощущение. И я почему-то еще даже адской боли от Когтя варга не отведал – хотя буквально каждому европейцу известно, что любой Рейнар пробует на вкус адское пламя раньше, чем начинает сосать материнскую грудь.

Поведя плечом, надев пиджак обратно, я пристально смотрел на младшего брата, который за минувший век так сильно изменился. Не думаю, что он вызывал из Посмертия именно меня – кому суждено вернуться, решает… а я и не знаю, кто решает. Может быть коллективный разум предков фамилии, может воля богини, может быть коллегиально. Никто этого не знает – после возвращения воспоминания о Посмертии стерты. Не врут семейные и национальные предания, не врут.

Я глубоко вздохнул.

Сейчас передо мной стоял младший брат, который когда-то меня убил. Но это тогда Дес мне был младшим братом, сознательно отказавшимся от магии слабосилком во владении, но подающим надежды в политике; сейчас же он – судя по мундиру с пурпурными лентами в золотой тесьме, канцлер Палаты Лордов.

Надо же. Первый человек Септиколии – вне императорских земель, конечно же.

Глыба просто. Скала.

Кто бы мог подумать. Нет, я конечно знал, что в искусстве интриг Дес невероятно талантлив, но добиться подобного выходцу из Дома Рейнар, причем за одну жизнь, всего за сто девятнадцать лет… Невероятно.

И я уверен, что вернул Десмонд меня не за тем, чтобы попросить прощения – а вернул определенно как инструмент, который должен ему помочь подняться на очередную ступень.

Инструмент, кстати, в лице меня был категорически против. Но для того, чтобы об этом заявить – делом, а не словом, мне нужно для начала хотя бы понять, куда я попал и зачем Десмонд обратился к Реке Крови предков. Понять, что за нужда заставила его отправить в Посмертие собственного внука?

Между тем Десмонд, под моим внимательным взглядом, сухо сглотнул.

– Так что ты сказал отцу… брат? – посмотрел я ему в глаза.

От слова «брат» Десмонд заметно вздрогнул.

– Я сказал, что убил тебя в честном поединке.

– Ты. Сказал. Что убил меня… В честном поединке, – раздельно, все еще осмысливая услышанное, говорил я, шаг за шагом подходя к нему ближе.

Одно откровение за другим – не знаю даже, что меня больше поразило. То, что Дес стал канцлером Палаты лордов, или то, что он так нагло соврал отцу.

– Да. Я сказал, что убил тебя в честном поединке.

– Какая же ты мразь. Брат.

– Я сделал это ради благополучия Дома! И сделал это ради…

Десмонд прервался на полуслове – хакнув, он согнулся, прижав руки к животу.

А парнишка этот… Кайден, хоть и разодет как шлюха из-под красных фонарей Любека, физически – для еще не принявшего посвящение, подготовлен неплохо. Явно прошел полный курс трансмутации и занимался с хорошими, если не лучшими мастерами меча.

«Неплохо» – в смысле недосягаемо для обычного человека. Но не для индигета первого сословия и тем более не для той планки умений первого меча Запада, на которой я закончил жизнь.

– Я сделал это ради… – вновь заговорил Десмонд.

Я снова ударил его. Несколько раз, а завершающий апперкот в подбородок заставил Десмонда замолчать. Пошатнувшись, он с трудом удержался на ногах.

– Молчи, лучше. Брат, – сказал я, как плюнул. – Молчи, а то не все твои зубы доживут до намечающегося нашего с тобой серьезного разговора.

Кулаки непроизвольно сжимались и разжимались. Страсть как хотелось кого-нибудь убить.

– Я! Сделал это! Во имя благополучия нашего… – Десмонд выпрямился и ощерился, показав окровавленные из-за рассеченных десен зубы.

Вот упрямый, а?

Договорить я ему не дал. Носком ботинка врезал в голень, обработал уже длинной серией ударов, как по манекену, и добавил пару раз коленом в голову. Десмонд едва не упал, пошатнувшись и присев на одно колено. Но не упал.

– Перед лицом богини и предков я попросил тебя молчать, – тяжело дыша, сквозь зубы произнес я. – Или я тебя сам здесь просто убью, а содержание нашего предстоящего важного разговора пройдет мимо меня.

Десмонд, скривившись, положил руку на колено, затем оттолкнулся, выпрямился и поднялся.

– Я не сопротивляюсь тебе, заметь. Я действовал в своем праве, и если ты продолжишь меня бить…

Хлесткий прямой удар, и действительно потерявший пару зубов (а я ведь предупреждал) Десмонд дернул головой. Отступать ему было уже некуда и затылком он ударился о каменную стену зала.

– Я тебя попросил молчать.

Избиение не имело никакого смысла. И я понимал, что Десмонд сейчас, через сто девятнадцать лет – единственная возможность узнать кусочек правды о происходящем там, в мире за пределом алтарного зала. Узнать о новых реалиях нового для меня времени.

Но в то же время я не хотел слышать его голос. Не хотел оставить последнее слово за ним – тем более последнее слово в оправдание воткнутого им мне в спину отравленного красным лириумом меча.

Десмонд всегда был упрямым, как и все в нашей семье. И никогда не терпел, когда кто-то в беседе с ним, по его мнению, неправ. Импульсный звук силового поля, резкий взмах руки, и я отпрыгнул от мелькнувшего перед лицом фамильного меча, который материализовался в руке Десмонда.

– Я сейчас сильнее тебя! Я понимаю твои чувства, но больше не позволю избивать себя как…

Мои возможности сейчас – смех по сравнению с правильно воспитанным и владеющим индигетом, прошедшим посвящение. Но кое-что от своего тела я все же добился – и мне, против Десмонда, который всю жизнь занимался политикой, а не войной, этого хватило.

Скользящим шагом, в раскачке маятника рвано меняя скорость движения, я врубился прямо в центр поставленного им силового щита. Кожу ожгло болью – я как будто протискивался среди острых шипов. Десмонда мой маневр застал врасплох, наверное, никогда не сталкивался с таким. Я же в полупируэте прошел совсем рядом с мечом, коснувшимся обжигающе холодным лезвием моей щеки – и через миг раздался сухой треск кости.

Десмонд глухо вскрикнул от боли и выронил из сломанной руки меч. А после, после моей подсечки, упал сам. Он сразу попытался подняться, но я вбил ступню ему в затылок, так что его лицо со звучным шлепком ткнулось в каменный пол.

– Не позволит он… позволялка за сто девятнадцать лет так и не выросла, – сплюнул я густую, ставшую красной слюну. Преодоление импульсного силового щита даром не прошло: кровь бежала из носа и из лопнувшей брови, во рту появился резкий медный привкус. Но это сейчас казалось настолько мелочью, что я даже почти не замечал.

Десмонд, хрипя – все же упрямство у Рейнаров в крови, вновь попытался подняться на четвереньки, и вновь – после того как я толкнул ступней его затылок, врезался лицом в каменный пол.

– Я спартанец, даже в этом хилом теле! – упав на колени рядом с ним, за волосы я поднял его голову, глядя в залитые кровью глаза. – Такой как ты может меня убить только исподтишка. Ты слышишь? Ты слышишь меня… брат?

Десмонд что-то прохрипел, а я опустил его голову и, выпрямившись, не справился с собой. Рванувшаяся ярость – «сто девятнадцать лет!» – захлестнула разум, и я несколько раз ударил его ногой. Совсем не сдерживаясь – на все имеющемся в новом теле силы. После пятого или шестого удара остановился. Тяжело дыша и сам уже хрипя, как после первого преодоления дистанции на полигоне новичков-кандидатов в Корпус.

Наклонившись, уперев руки в колени, постоял немного, приводя в порядок дыхание. Наблюдая при этом, как из носа на пол капают увесистые капли крови. Отдышавшись наконец, я выпрямился. Звучно выдохнув, развернулся и прошел к алтарю, вытирая текущую по лицу кровь.

– Достопочтенные, – положив окровавленные ладони на алтарь, склонил я голову. – Прошу простить, был немного несдержан.

Тысячи лиц предков взирали на меня из непроглядной тьмы глубины веков, зеленоватый отблеск света богини (вернувшейся и наблюдающей) вновь озарял крылья ворона и алтарь.

В ответ на мои слова предки, как и богиня, промолчали.

Надеюсь, не сильно я их оскорбил семейной разборкой. Еще раз низко поклонившись и предкам, и деве Морриган, я направился к выходу из алтарного зала. По пути подхватил за ногу бесчувственного Десмонда, потащив волоком.

Отпустил его сразу за порогом алтарного зала, так чтобы слуги могли подобрать. Уже в одиночку, не оборачиваясь, двинулся наверх по высоким, тысячелетним каменным ступеням: сердце фамилии, сердце Дома Рейнар, его родовой Источник и Алтарь, находились в глубоком, вырубленном в теле замковой скалы зале.

Наверху, в холле – куда выходила лестница из сердца горы, меня уже ждали. Кастелян замка, горничные, дворецкие, охрана, несколько варгрийских всадников – знакомая униформа и мундиры, незнакомые все лица. И все смотрели на меня в немом изумлении.

– Лорд Десмонд случайно упал с лестницы, потерял сознание и несколько зубов. Отправьте ему лекаря, он на пороге алтарного зала. Когда лорд придет в себя,

скажите, что я жду его в… в его кабинете, – чуть было не сказал я «в своем кабинете».

Подумал немного и добавил:

– Пришлите ко мне, в кабинет лорда, цирюльника и портного. И еще лекаря, как только тот подлечит моего бр-р-ра… – осекся я вовремя, снова едва не совершив ошибку. – …моего бравого многоуважаемого деда. Выполнять.

Кастелян кивнул и без единого вопроса мне принялся отдавать указания. Я хотел было добавить, чтобы Десмонда привели в чувство побыстрее, но нужды в этом не было – движение и так началось стремительное, четкое и направленное. Лекарь, как оказалось, был среди комитета по встрече и уже почти бежал в сторону лестницы вниз.

– Ты, – ткнул я пальцем в абсолютно седого, с угольно-черным шрамом на лице варгрийца в форме адского всадника. – За мной.

И, даже не оглядываясь на возникшую за спиной суету, я двинулся к парадной лестнице. Лорды Врангарда, герцоги Дома Рейнар, в своем фамильном замке традиционно занимали кабинет в Восточной башне. Я, пока не умер от руки Десмонда, также, как и многие герцоги до меня, жил и работал там. Не думаю, что Десмонд решил сломать традицию.

Миновав первый широкий пролет парадной лестницы, я замер.

«Дьяболо!» – беззвучно и мысленно выругался я, увидев на лестнице двух девочек-близняшек лет тринадцати-четырнадцати. Обе с широко раскрытыми глазами, полными ужаса, обе не отрываясь смотрели на меня.

Хм. Судя по всему, близняшки и мои сестры: темные волосы, широкие скулы, знакомый разлет бровей, миндалевидные глаза с изумрудной, цвета июньской зелени яркой радужкой – узнаваемые не только во всей Септиколии, но и во всем обитаемом мире черты Рейнаров.

Не очень удачное время и вид для встречи с младшими членами фамилии – я растрепанный, весь в крови. Старшие не должны так показываться младшим.

Правда, совсем скоро я узнал, что девочки – не Младшие, а Старшие фамилии. Причем принятые в род Десмондом только сегодня. Он, как оказалось, сделал это в алтарном зале прямо перед тем, как отправить своего внука в Посмертие, открывая моей душе путь возвращения. Сейчас же я жил еще в старой системе координат – думая, что фамилия наша, как и раньше, раскидистое ветвистое древо.

– Миледи, прошу простить мой неподобающий вид, – кивнул я юным близняшкам. – Давайте сделаем вид, что ни я вас, ни вы меня не видели, – нашел я, как показалось, оптимальный вариант в данной ситуации и двинулся наверх.

Близняшки одновременно опустили глаза в пол, я сразу же прошел мимо. Прошел мимо них и седовласый капитан гвардии, двигающийся за мной бесшумной тенью.

«Сто девятнадцать лет!» – с каждым шагом билось в висках понимание, пока я поднимался наверх.

Понимание того, что пусть я и воскрес волей предков, вернувших в мир мою душу по Реки Крови, старый я, герцог Доминик Веспасиан де Рейнар, военный трибун, карающая длань Императора и первый меч Запада, для всех окружающих давным-давно умер.

Впрочем, на это – на «всех» мне было совершенно наплевать.

Я умер для Джессики. Для Джессики Агилар из Дома Лариан. С которой у нас через неделю, в моем неслучившемся будущем сто девятнадцать лет назад, должна была состояться свадьба.

И кое-кто, по имени Десмонд, за это заплатит. Определенно заплатит.

Вот только для начала мне нужно понять, насколько все плохо – раз уж Десмонд, зная, что я волей предков могу вернуться из Посмертия, обратился к богине и нашей Реке Крови за помощью.

Глава 4

Переступив порог кабинета, я прошел к окну, осматривая родные просторы на огромной излучине Великой реки, поблескивающей в свете Сияния далеко на горизонте. Услышав, как позади щелкнул замок, обернулся к вошедшему следом за мной и остановившемуся у двери седому варгрийцу.

– Имя?

– Вальдер.

– Должность?

– Капитан личной гвардии Дома Рейнар.

– Вальдер, у меня есть для тебя задание, – начав было говорить, я каждое слово произносил все тише и тише.

Ага, как же. Задание у меня есть – так он меня и послушал. Седой варгриец, с уродующим его лицо чернильным шрамом от адского огня (все остальные шрамы лекари умеют убирать, как не было), пусть внешне и демонстрировал почтение мне, как члену фамилии Рейнар, но… смотрел он четко над моим плечом, не глядя в глаза, а вид как полагается любому служаке имел лихой и крайне внимательный.

Все забываю в динамике событий, что я больше не герцог Доминик Веспасиан, а какая-то сизая приблуда. Тем более для варгрийских всадников. «Альба» в имени, конечно, добавит мне веского авторитета в Септиколии и на Европе (о Боги-боги-божечки, Великий Дом!), но точно не здесь, на Севере.

Любое мое указание для капитана – пустой звук. Нет, он конечно выслушает, начнет кипучую деятельность и даже выполнит что-то – но результат даст лишь после того, как мое указание одобрит истинный Рейнар, герцог Десмонд. А Десмонд, если мы сейчас с ним не договоримся, вполне может отдать приказ отправить меня обратно в Посмертие.

«М-да. И как в короткий срок завоевать расположение капитана адских всадников? Да проще простого», – усмехнулся я своим мыслям.

– Капитан. Дайте-ка посмотреть ваш варгрийский коготь, – приказным тоном попросил я.

Поколебавшись несколько мгновений, капитан, явно преодолевая внутренний протест, вытащил из ножен короткий меч, передавая его мне.

Знаменитый во всей Септиколии варгарианский клинок, вооружение адских всадников. Короткий, сантиметров в сорок; широкое, и изогнутое словно в пламени волнистое лезвие, массивная рукоять. В эфесе которой, удерживаемый артефакторный привязкой, в сфере пустоты плавает Око Силы – ограненный кристалл, заряженный лириумом.

Кристалл красного цвета.

К месторождениям красного лириума или пряности, кровавой пыли, сухой крови – как его только не называли, у северян доступа никогда не было. Свой красный лириум мы всегда добывали из крови демонов.

Поэтому адских всадников так и опасались, с… с долей нелюбви, так скажем. Мы, варгарианцы, мало того, что почитали некромантов и, будучи неупокоенными, причиняли много проблем после смерти (если не похоронить павшего по обряду), так мы еще и били демонических тварей их же оружием. Поэтому были в Империи – в основном в незнающих прорывов Европе и императорских землях Рима, те, кто ставил варгарианцев едва ли не на одну доску с демонами.

Приняв клинок, я держал его на ладонях и рассматривал. Относительно небольшие размеры и внешне непрактичный вид не могли обмануть: рукоять была артефакторная, и при нужде превращалась либо в короткое древко – делая из Когтя глефу, либо же в длинное, после чего в руках у всадника оказывалась пика. Кинжал, глефа или пика, которые из-за накопленной в кристалле лириума силы адского пламени могли пробить любой силовой щит или защитное поле.

Страшное оружие, смертельно опасное даже для индигетов. И этим самым оружием, сбросив пиджак, я один за другим сделал себе на плече три неглубоких надреза. Каждый из которых мгновенно наполнился живым адским пламенем красного лириума, заражающим раны.

Жгло немилосердно, но я позволил себе лишь дернуть уголком губ. И то сделал это демонстративно, показывая не отклик на боль, а неприязненное отношение к неподходящему времени и месту для нанесения метки.

Седой капитан смотрел на меня во все глаза – он начал понимать, что происходит.

Касание когтя, след варга – метка, отличающая адских всадников. У меня такая в прошлой жизни была. У Кайдена, хоть он и Рейнар, почему-то нет.

– Так нормально? – как ни в чем не бывало, не обращая внимания на горящие болью и огнем порезы, поинтересовался я, протягивая меч капитану.

Обычно касание когтя проводилось в торжественной обстановке, перед строем адских всадников и под взглядом Морриган и предков. Но у меня сейчас просто не было на это времени.

– Господин, – принимая клинок, преклонил колено Вальдер.

Капитан уже догадался, что я – это совсем не тот юноша, который спускался в подвал с Десмондом. Некромантия на Севере – спутница и подруга, а не жуткое пугало, как в остальном обитаемом мире. И возвращение из Посмертия здесь пусть и не обыденность, но воспринимается милостью богини, а не неведомой жутью.

Конечно, вслух никому и никогда капитан о своей догадке не скажет, и даже думать сам с собой об этом не будет. Но преклонял колено он только что не перед Кайденом, а перед одним из вернувшихся Рейнаров. А вот перед кем, кстати, он тоже меня никогда не спросит.

– Капитан. Прямо сейчас нужно отправить… в мое постоянное место жительства двух сообразительных гвардейцев. Пусть доберутся и просто ждут, больше им никаких указаний не давать. Если же герцог Десмонд спросит зачем они убыли, ему необходимо будет ответить, что я самолично дал им указание – в случае своего пленения в темнице замка, или в случае моей смерти, им необходимо отправиться в отделении Конгрегации и подробно рассказать обо всем, чему сегодня они стали свидетелями.

Я блефовал. Конечно, я бы никогда в жизни не стал связываться с Конгрегацией, тем более подводить под расследование фамилию. Но Десмонду придется поверить, что я готов сдать его инквизиторам. Гвардейцы пусть и не видели произошедшего в алтарном зале, но даже их косвенное свидетельство будет настолько красноречиво, что даже последний дурак из инквизиторов догадается, что здесь сегодня произошло. Догадался бы, конечно – ведь никто никому ничего рассказывать не будет.

– Будет сделано, милорд. Что-то еще?

– Да. Когда выйдете, взбодрите там народ, пусть цирюльник поскорее пошевелится.

Вальдер, когда разворачивался на каблуках, едва заметно улыбался. Явно довольный тем, что наконец кто-то из настоящих сынов фамилии Рейнар оказался в замке Арль.

Бодрить никого ему не пришлось – сразу после того, как капитан покинул кабинет, через дверь проехало сначала зеркало, потом человек шесть внесли наполненную мыльной водой медную ванну (как только затащили по лестнице), забежали девушки, помогающие цирюльнику и портному.

Раздевшись, я погрузился в теплую воду – откинувшись на удобную подушечку и отдавшись на волю оттиравших кровь девушек. Настоящие варгрийки – горящее в порезах на плече адское пламя их совсем не смущало. Какая-нибудь европейка уже в истерике бы билась, стремительно убегая прочь и не видя ничего перед собой.

Шрамы, впрочем, довольно скоро закрыл прибывший лекарь, использовав для этого щепотку лириума (зеленого) и короткую просьба-молитву Морриган. И вместо трех горящих алым пламенем порезов у меня на плече остались три угольно-черных шрама.

Навсегда остались.

После того как с меня смыли всю кровь, я вылез из ванной. Сразу же был вытерт, причесан, одет в белоснежный халат и усажен в кресло. Глядя на себя в зеркало, рассматривал незнакомого юношу. Пепельноволосый, скуластый, на вид даже…

крайне надменный и дерзкий. Ну, это от Альба, определенно, у них вот это «лицо кирпича просит» – фамильное. Это не исправишь, но хотя бы прическу в порядок привести стоит, а то… эти выбритые виски и длинный хвост, словно конская грива, спускающийся за спину, дикость какая – то.

– Милорд, что будем…

– Коротко. Давай как у…

Сейчас надо что-нибудь придумать, при этом не выдать незнания новых местных реалий.

– Давай как у префекта претория стрижку. У этого, как его…

– Как у лорда Мстислава Воронцова?

– Да, – просто ответил я.

Надо же, один из Воронцовых – командующий императорской лейб-гвардией. Сто девятнадцать лет назад это была бесправная (в первом сословии) и потрепанная фамилия политических беженцев, а сейчас вот как… Долго же меня не было.

Цирюльник довольно быстро избавил меня от длинной гривы и смог изобразить на голове нечто вменяемое. И даже, судя по его скупым комментариям, при этом стильное, модное и молодежное.

– Вам очень идет, милорд, – подытожил он, после того как закончил.

Поблагодарив цирюльника, я переключился вниманием на портного. Который за время, пока я отмывал кровь, и приводил себя в вид не удивляющий зеркало, подогнал под меня темно-зеленую офицерскую форму гвардии Дома Рейнар, убрав по моей просьбе знаки различий.

Крой формы поменялся – чувствовались все же минувшие сто лет. Высокие и неудобные, но традиционные яловые сапоги (наконец-то, уж как мы этого ждали) сменили высокие и удобные шнурованные ботинки. Знаки различия

переместились с воротника стойки на левую сторону груди. Причем стали не такими яркими – черный ворон Рейнаров теперь был вышит на зеленом, а не на белом щите, став практически незаметным. Ну, теперь можно без боязни и в Дикое Поле – усмехнулся я. Потому что теперь вражеским стрелкам сходу и не отличить, где офицер, а где рядовой боец, можно не бояться первой пули.

В тот момент, когда я полностью переоделся и знакомился с новым собой, в кабинет вошел Десмонд. Выглядел он немного помятым, но следы избиения исчезли. Да и без крови на одежде – переоделся. С появлением Десмонда и цирюльник, и портной кабинет спешно покинули, торопливо унося вместе с помощниками кресло, зеркала и прочие свои принадлежности. Ванную только оставили.

Десмонд прошел и мимо ванны, и мимо меня, даже не глянув. Посмотрел он на меня, только когда присел во главе рабочего стола, в кресло с высокой спинкой. Практически трон, с вороньими крыльями, словно нависающими сверху над сидевшим. Крылья, как будто напоминающие, кому именно Дом Рейнар и варги обязаны своим существованием.

У меня, кстати, такого вызывающе-внушительного кресла не было: я к этой мишуре показухи как-то равнодушен был.

– Ты точно свое место занял? – поинтересовался я, отвернувшись от зеркала.

Десмонд даже дернулся, как от удара. Он было напрягся и открыл рот что-то сказать, но я его опередил.

– Да ладно, ладно, сиди… пока, – махнул я рукой с показательным спокойствием, прерывая его едва начатую фразу.

Понятно, что он сейчас хотел сказать. Доминик Веспасиан, его старший брат и герцог де Рейнар – умер. И я сейчас всего лишь какой-то Кайден Доминик Альба. И во избежание недоразумений, нам на людях необходимо соблюдать субординацию, бла, бла-бла-бла, бла-бла, бла-бла. Десмонд всегда умел красиво и убедительно говорить. За это я его и любил.

Раньше, до самого момента смерти.

Сейчас же, при всей моей жгущей, клокочущей ненависти… Уверен, дела фамилии – если уж Десмонд обратился к Реке Крови, печальные. И он единственный сейчас человек, который может меня посвятить в нюансы происходящего. Правда, явно не во все нюансы – уверен, как только Десмонд сочтет, что дела Дома выправляются, он снова попытается… если и не убить, то избавиться от меня. И информацию сейчас наверняка мне будет выдавать дозированно.

Но все равно, пока он мне нужен. Как и я ему.

– Рассказывай. Бр-р-рат, – уже деловым тоном произнес я и подошел ближе к столу. – Желательно рассказывай с самого начала: куда я попал, что происходит, и зачем ты решил меня вытащить из Посмертия.

Десмонд скривился. Посидев немного, раздувая ноздри, он все же заговорил.

– Ты, Кайден Доминик Альба, мой внук. Я, герцог Десмонд Веспасиан де Рейнар, лорд-протектор Западной Варгрии, канцлер палаты лордов Сената и почетный префект Темной Стороны Европы. Это, – расстелил на столе карты Юпитера и Европы Десмонд, с заметными яркими зелеными пятнами территорий, – владения нашего Дома. Септиколия, Европа, Атлантида – на всех обитаемых землях появились территории под крылом ворона и когтями варгов, владения Дома Рейнаров…

– Вот давай нормально только, а? – прервал я его. – Мне, пожалуйста, без изысков, я как помнишь простой и тупой спартанец: мечом рублю, головой ем.

Вот не смог сдержаться – не люблю столь явную постановку в речи, он как агитку с бумаги читает. Пусть лучше перед Сенатом так красиво ртом работает, мне лучше краткую выжимку и все по существу.

Десмонд поморщился, но комментировать мои слова не стал.

– У нас, кроме всего прочего, помимо новых и старых земель, что было при тебе, в пользовании две шахты желтого лириума, а наша гвардия контролирует границы разлома не только здесь, в Западной Варгрии…

– Во Врангарде, – прервал я его. – В мое время эту землю называли Врангардом.

– Не только здесь, в Западной Варгрии, но и на юго-восточной границе Первого шрама, у Великой пустыни, – упрямо повторил Десмонд. Причем произнес фразу таким тоном, что в контексте я безошибочно прочитал: «Твое время закончилось сто девятнадцать лет назад».

Десмонд продолжал перечислить владения фамилии, словно бахвалился передо мной тем, чего он смог достичь за минувший век. Рассказывая в деталях, как Дом, под его неглупым и чутким управлением, прирос землями и имуществом.

– Мы сейчас по могуществу, – подытожил он, – уже стоим рядом с Великими Домами терран-индигетов. Еще несколько лет, и я планирую поднять вопрос о представлении Дому Рейнар постоянного членства в Палате лордов, и…

– Если все хорошо, зачем ты убил своего внука и призвал меня?

Десмонд тяжело вздохнул. Помолчал немного, а после заговорил совсем о другом.

– Мой младший сын. Доминик. К твоему сведению – он родился для того, чтобы ты смог вернуться. И в мир, и на свое место.

– Ой ли? – я буквально почувствовал лапшу на ушах.

– Да. Доминик должен был стать наследником, такова была моя воля.

– Но?..

– Но вместо того, чтобы принять предназначение, Доминик вышел из рода и вступил в ряды тамплиеров.

– Красный орден? – удивился я.

Орден Красной Розы, Красный орден, падшие ангелы – как только не называли ветвь рыцарей храма, обратившихся к силе красного лириума. И, в результате, внешним видом они не сильно и отличались от тварей Разлома – у них были

такие же как у демонов горящие алым сиянием глаза.

– Нет.

– Обычный храмовник?

В мое время белые тамплиеры как-то… без уважения воспринимались. Парни в белых простынях, чья единственная заслуга в том, что они смогли сохранить сокровища ордена, которые унесли при бегстве со своей Терры.

– Сейчас белые храмовники взяли большую силу, – покачал головой Десмонд. – И называют себя Союзом Зерна и Стали. Орден белых тамплиеров, и объединенный Ганзейский союз. Они, в конгломерате, владеют землями и замками на всем Западе, а также в Варгрии и в Новогородской республике.

– То есть Доминик, такой негодник, по каким-то неведомым тебе причинам почему-то не захотел отправиться в Посмертие.

– Нет, – чуть было не оскалился Десмонд в ответ на мое насмешливое замечание.

– Каким образом же ты собирался сделать его наследником? Это ведь… третий твой сын?

– Да, третий сын. Ответ в твоем имени – я смог организовать его брак с Сесилией Альба.

– Так почему же ты призвал меня?

Помолчав немного, Десмонд начал рассказывать. О смерти нашего отца, о полном переходе власти к нему. О том, как он расширял владения и влияние фамилии; рассказывал о том, как смог получить в Дом невесту Альба, и о последовавшем сразу после падении Великого Дома белых львов, с разделом ставшего вдруг легкодоступным имущества. Вот откуда у нас две шахты желтого лириума, оказывается.

Десмонд говорил и говорил – расхваливая себя. К самому главному он перешел не сразу – сдавленно сообщив, что его сыновья и внуки погибли совсем недавно,

во время прорыва демонов. Рассказал о том, что Кайден остался единственным наследником, единственным владеющим в семье. Рассказал, как сегодня ночью самоубился сын Десмонда, рыцарь-командор Доминик, вместе со своей женой Сесилией Альба.

Я слушал и едва скрывал удивление – Река Крови фамилии, оказывается, за последние дни получила много новой крови, ушедших в Посмертие.

Десмонд между тем рассказывал о том, что Доминик Кайдена не воспитывал, и «что выросло, то выросло»; рассказывал о моих сестрах-близняшках, дочерях Доминика от наложницы, принятых им сегодня в фамилию – которая, как оказалось, насчитывает теперь всего четырех (!) человек.

Рассказал мне Десмонд и о том, что Кайдена вот-вот вызовет на дуэль оскорбленный муж, барон Бланшфор, и о том, как он собирается помочь мне избежать дуэли. Десмонд говорил что-то еще, но глядя на карту новых владений и ресурсов Дома Рейнар, я уже не слушал.

– Корова, – прервал я его на полуслове.

– Что? – осекся Десмонд.

– Мы больше не волки. И не вороны. Мы – коровы.

В ответ на мои слова Десмонд ощерился, ноздри его раздувались. Но он промолчал, ожидая дальнейших комментариев.

– Брат, несмотря на то, что мое сердце справедливо, между прочим, полнится ненавистью к тебе за подлое убийство, я легко могу отбросить лишнее и спокойно проанализировать услышанное от тебя. И посмотреть на ситуацию совершенно холодно, предвзято и без эмоций. Свежим, так скажем, взглядом. Но даже глядя на ситуацию хладнокровным взглядом, единственное, что я могу заявить, как с чистого листа, это то, что ты… полный идиот. Прости, если обидел.

Десмонд, глядя на меня, молчал. Ждал продолжения.

– Ты убил меня потому, что видел в моем браке с Джессикой Агилар тупик развития фамилии. Ты так пекся о влиянии нашего дома, что пошел на братоубийство…

– Да!

– Не перебивай меня, – недовольно поморщился я. – Здесь, несмотря на яркие пурпурные помпончики на твоем мундире канцлера, я истинный герцог де Рейнар, а не ты.

Десмонд отвечать не стал, глядя на меня уже с нескрываемой злобой. Ну вот, что и требовалось доказать – если бы не острая нужда, никогда бы он в отмеренный ему век не призвал меня обратно из Посмертия.

Злится он, по взгляду вижу, ох как злится. Пусть. В то, что Десмонд собрался отдать мне власть и вернуть на потерянное место, я сразу не поверил ни на йоту. Человек, который вонзает в спину меч собственному брату ради удовлетворения личных амбиций, не может измениться. Даже за сто девятнадцать лет.

Но сейчас я нужен Десмонду, а Десмонд нужен мне. Впрочем, при этом никто не обязывает меня быть уважительным к его гордости.

– Так вот… о чем я? – дождался я, пока он опустит взгляд. – А говорю я о том, что ты видел стагнацию и угасание фамилии Рейнар в браке с маркизой Дженнифер Агилар из Дома Лариан, считая ее фамилию недостойной нашего Дома. И довольно неожиданным, неожиданным для меня способом тебе скажу, этот брак ты предотвратил…

– Я действовал во имя интересов фамилии!

– Десмонд. Брат. В отличие от тебя, я не идиот – и то, что ты действовал в интересах фамилии, как их представляешь, я понял с первого раза, когда ты пытался сказать мне об этом еще на алтаре. Ну давай посмотрим, что ты сделал в интересах фамилии? Гвардия Дома Рейнар, hellequin, внушающие ужас адские всадники и гроза всего обитаемого мира… где? Они, с твоего позволения, раскиданы по всем шрамам Разлома малыми отрядами. Сколько у тебя здесь и сейчас в замке гарнизона, хоть полсотни наберется?

Судя по взгляду Десмонда, даже полсотни всадников в замке не было.

– Наш дом, гордый и независимый Врангард, наша истинная земля… стал вдруг Западной Варгрией, подчиняющимся решениям Ассамблеи периферийным имперским округом. Как? Как ты это мог это допустить? Мы были воинской элитой, верными слугами Морриган и цепными псами Императора. Мы были теми, кто всегда мог открыто сказать веское слово против Великих Домов индигетов-терран, мы открывали ногой любые двери! Ты же… Лорд-протектор, канцлер, почетный префект… это ведь все мишура. Ты променял нашу свободу на погоны и ленточки титулов. Тебя купили красивыми табличками на дверях кабинетов! Стеклянными бусами! Купили так, как когда-то наши предки покупали золото и лириум у батарнских варваров!

Скажи мне, брат, убивая меня, ты серьезно думал, что я совсем тупой? Ты думал, что я не умею в политику? Я пять лет провел в Корпусе, столько же в отрядах свободных охотников, а потом десять ошивался при дворе Великого Императора! Я убивал тварей разлома бок о бок с индигетами из Великих Домов и с ними же после плел интриги в столице и на форуме, и в альковах! Ты всерьез думал, что моя свадьба с Джессикой – лишь результат моей влюбленности? Когда я стал первым мечом Запада, мне предлагали в жены своих дочерей сразу три фамилии Великих Домов – и твой путь в Палату лордов я мог пройти гораздо раньше, не продавая нашу свободу. Но прежде, чем забраться на скалу, нужно решить, что ты там будешь делать!

Эти сто девятнадцать лет, за которые ты менял наши мечи и свободу на титулы, я бы потратил на то, чтобы увеличить нашу силу и защитить нашу свободу. Только так можно войти в число Великих Домов – обретя Силу, а не пришить помпончики к мундиру! Везут всегда только того, у кого палка в руке, а не того, кто красивее оделся! Ты идиот не потому, что преступил законы чести перед предками, когда убил меня на их глазах! Пусть, неприятность – для меня, но это твоя ошибка, это бывает. Ты идиот потому, что преступил законы чести, когда после падения Дома Альба начал дербанить их имущество! Конченый идиот!

Десмонд хотел было что – то сказать, но видимо, что-то увидел в моих глазах и промолчал. Правильно промолчал – открыл бы рот, мир живых имел бы шанс покинуть, я сейчас себя не очень контролировал.

– От звания Великого Дома нас сейчас отделяет дорога гораздо более длинная, чем в тот момент, когда ты мне ударил в спину. Более того, я не уверен, что та дорога, по которой идет наш Дом, не ведет к его уничтожению! Отвернувшись от императора, ты попытался встать на одну доску с пришлыми индигетами Терры… но они тебя не примут, максимум – похлопают по плечу за усердие. Ты теперь чужой – и для Сената, и для Ассамблеи, и для императора! Ты корова, которую накормили, а сейчас собираются доить.

Твои сыновья и внуки, которые все погибли меньше чем за неделю – ты думаешь, это случайно? Ты остался один из истинных Рейнаров, и ты досидишь свой век почетным префектом Темной стороны Европы в конуре, которую тебе выделят. Наших всадников уничтожат случайными ошибками, затыкая дыры при прорывах демонов, а меня или убьют – не просто так эта дуэль, или женят на ком-нибудь из Великого Дома. Только меня возьмут в оборот и загонят в чужую фамилию без прав и привилегий Дома Рейнар, а после приберут к рукам весь Врангард, затем заберут и подачки, что тебе накидали. В том числе и желтый лириум белых львов, который ты хапнул под шумок! Лорд-протектор, канцлер, префект… Ты для индигетов – забавная зверушка из провинциального болота, прирученный волк, которого можно нарядить в платьице, надеть красную шапочку и тыкать в него пальцем!

Длинный монолог неожиданно вымотал меня так, как дуэльный поединок с активным силовым щитом. Я тяжело дышал, мне не хватало воздуха – несмотря на бесстрастный вид и спокойный тон, я уж слишком перенервничал.

– Что там с моей дуэлью? – уже спокойным тоном поинтересовался я.

– Секунданты барона уже связались с нашим поверенным на Европе.

– Почему я об этом еще не знаю?

– Дуэли не будет.

– Почему не будет?

– Завтра ты пройдешь посвящение в Сиянии, время настало. Официально станешь первым сословием, и барон уже не будет иметь права потребовать с тебя…

– Чушь! – даже хлопнул я ладонями по столу. – Отдай мне мой коммуникатор и расскажи, кто из моего круга общения может стать моим секундантом.

– Бланшфор – умелый и опасный бретер.

– Брат. Ты зачем вызвал меня из Посмертия? Только честно.

– Спасти нашу фамилию от уничтожения.

– Молодец. А теперь заткнись и дай мне исправить все то, что ты за минувший век натворил. Дуэль – это дело чести. Тот, кто совершает проступок, за который его могут вызвать на дуэль, нарушает законы чести. И нарушая законы чести, нужно быть готовым отвечать за содеянное и иметь мужество ответить на вызов. В уклонении от вызова – чести нет. Ты слишком долго занимался политикой, брат, и по дороге потерял приверженность тем идеалам, которые делают нас, Дом Рейнар, избранниками богини и народа варгов. Если ты хочешь спасти наш Дом от уничтожения – бегать от дуэли это совсем не то, что нужно для этого делать.

– Барон, с большой долей вероятности, может тебя убить.

– Может быть именно для этого предки и вернули меня обратно по Реке Крови, – пожал я плечами. – Чтобы своей смертью я спас остатки чести нашего Дома. Не думал об этом?

Судя по глуповатому выражению лица Десмонда, об этом он совершенно не подумал.

– Если Бланшфор меня убьет, значит такова воля богини и провидения. Так коммуникатор мой где? Прикажи принести. И озаботься, пожалуйста, человеком, который хорошо знал Кайдена. Скажи ему, что я сильно ударился головой и полностью потерял память.

– У меня нет такого человека.

– Что значит нет? Твой внук один в заброшенной пещере рос?

– Нет такого человека, который может сохранить это в тайне. Тем более если Бланшфор тебя убьет, такой человек не потребуется.

– А если не убьет, потребуется. Выполни все, о чем я прошу и приказываю, и можешь проваливать на свою Темную сторону Европы дальше торговать нашей свободой в Палате лордов. Только всю ее не продай, пока я буду смотреть по сторонам и решать, как спасти нашу фамилию от забвения и позора… брат.

Каждый раз, когда я называл Десмонда братом, он вздрагивал – очень уж, в контексте, это оскорбительно и с нескрываемым презрением звучало. Но терпел.

– Ты не знаешь, что происходит. Все гораздо сложнее, чем ты думаешь…

– Удиви меня, – посмотрел я ему в глаза.

Десмонд замялся. На краткий миг, но мне этого хватило, чтобы понять – он что-то скрывает. Что-то очень серьезное. Не то, чтобы я в этом сомневался, просто получил очередное подтверждение.

Мое воскрешение из Реки Крови поставило его в невыгодное положение – уж, наверное, он надеялся на возвращение из забвения другого нашего предка.

– Ну же. Говори, что я должен знать?

– Это… долго и сложно. В несколько слов не объяснить, ведь с твоего ухода прошло больше ста лет, и ты просто не представляешь себе новые политические расклады, все нюансы и…

Стандартное бла-бла-бла, как я и думал. Он так может целый день мусолить разговор ни о чем.

– Мне наплевать, – прервал я Десмонда. – Наплевать на политические расклады, наплевать на тебя и на свою собственную жизнь тоже наплевать. Я уже умер, если ты не забыл. Но, если уж ты отдал жизнь своего внука, а Река Крови сочла именно меня достойным возвращения – то прими и смирись, что, вернувшись, я буду делать то, что считаю нужным, и делать это так, как считаю правильным. Ты понял?

– Ты делаешь большую ошибку, – с долей угрозы произнес он, сверкнув глазами, – и она дорого тебе будет…

Я широко улыбнулся. Ну вот, не зря перестраховывался.

– Десмонд. Пока мне сбривали недоразумение на голове, два варгрийца твоей гвардии уже отправились на Европу, в мой дом. И если я завтра не прибуду к ним, они отправятся в офис инквизиции и расскажут ищейкам Конгрегации кое-что, что тебе не понравится.

– Пфф… – фыркнул Десмонд. – Кто ты такой, чтобы тебя…

Расстегнув ворот, я распахнул китель и, оголив плечо, продемонстрировал ему метку адского пламени, похожую на шрам от удара волчьей лапы. Сам он, кстати, такую нанести так и не решился.

– Ты думаешь, брат, я не могу заставить старого варгрийского волка себя послушать? – посмотрел я Десмонду в глаза.

И на миг увидел там обреченность.

– Пойми, что политические расклады могли поменяться как угодно, но не поменялись законы чести, на которые равняются индигеты. И не поменялись традиции, по которым живут варгрийские волки Севера. Твой век кончается, Десмонд, и постарайся за оставшееся время, разомлев от греющего твою задницу тепла бархатной подушки кресла, окончательно не растерять остатки чести нашего Дома. Остальное я сделаю сам. И прикажи наконец принести мой коммуникатор!

Глава 5

Близился рассвет, и Сияние в ночном небе понемногу блекло. Сегодня корона была мягкого и чистого зеленого цвета без вкрапления пурпура, золота и тем более красного – индикатора намечающихся прорывов. Да и свечение неяркое – магнитная буря слабая настолько, что даже связь с Европой работает почти без

перебоев.

Подобные моменты не так часто бывают на Севере, поэтому не задерживаясь я активировал отпечатком пальца «мой» портативный коммуникатор. И принялся изучать содержимое, в основном переписки – открыв окно в жизнь того Кайдена, прошлого владельца тела.

Список его контактов был невероятно обширен – сотни имен, номеров, фотографий. На меня с экрана смотрели в основном молодые лица, сокурсники и, как понимаю по некоторым подписям, друзья. Было несколько непрочитанных сообщений, которые я мельком пролистал – ничего значимого. Кроме, конечно, официального оповещения о том, что префектура Равенны заверила вызов на дуэль от барона Бланшфора, и информация об этом передана в Дворец Правосудия.

Само письмо с вызовом даже открывать пока не стал. Но в меню текстовых сообщений задержался, пролистывая жизнь Кайдена. И из коротких фраз и сообщений составляя представление о нем, его друзьях, вернее сказать, больше собутыльниках.

Девушки же… как я понял из тона посланий, они для него в большинстве делились на одноразовых любовниц – или те, с кем уже, или те, с кем еще нет. Исключением оказались только переписки с баронессой Бланшфор и с Алисией Альба. Но если с баронессой сообщения я прочитал – вполне дежурное воркование, я такие еще полтора века назад с методичек по обольщению списывал, то вот с юной герцогиней история переписки сохранилась только в виде списка плашек удаленных сообщений.

Около часа мне потребовалось на то, чтобы попробовать составить список лиц, которые, как полагаю, были Кайдену более-менее близки. И среди них нужно найти тех, кто по праву рождения или положения в обществе может стать моим секундантом. Не хотелось ошибиться – новая жизнь, в которой я никого не знаю, только начинается. А отправить запрос собственному недоброжелателю или неподходящему по праву рождения – это серьезный промах, не хотелось подобное совершать.

Действовал в поиске я просто – брал фамилию, имя, забивал в поисковик коммуникатора, смотрел светскую хронику. И раз за разом удивлялся: именно

представители третьего сословия в большинстве и были среди постоянного круга общения Кайдена в последнее время. В списке выделенных мною контактов и переписок находились либо явные недоброжелатели, в большинстве дети индигетов и второго сословия – общение Кайдена с которыми завершилось почему-то в основном около трех месяцев назад, либо же третье сословие.

Боги, да у него в постоянной компании собутыльников даже актеры и актрисы были – в мое время сам факт общения с искусниками лицемерами и лицедеями мог бросить тень на репутацию, теперь же…

Что за времена, куда катится мир?

Наконец, после долгих кропотливых изысканий, список возможных секундантов был мною сформирован. Решил вопрос на удивление просто – выбрал список тех немногочисленных детей индиго и аристо, кто прислал лично мне соболезнования об утрате родителей.

Им всем, а набралось едва больше двух десятков персон, я и отправил одинаковое сообщение с просьбой стать моим секундантом для помощи организации дуэли с бароном Бланшфором. Едва отправил, сразу набросал формальный текст – отказывать тем, кто опоздает с согласием.

Подождал минуту. Две. Три. Ожидание затягивалось – прошло уже четверть часа. Многие сообщения были прочитаны, но реакции никакой не следовало. И каково же было мое удивление, когда я начал одну за другой получать вежливые формальные отписки в том, что секундантами адресаты быть не могут. Причины указывались самые разные – от болезни, до срочной необходимости в поездке.

Коммутатор периодически пиликал оповещениями. Отказ, отказ, отказ… Куда я попал? Что за реальность вокруг меня? Отказаться от просьбы быть секундантом – это вообще нормально?

«Или, может быть, дело не в ненормальности новой реальности, а в самой личности Кайдена?» – подумал было я, как отвлекся. Потому что увидел, неожиданно, согласие. После череды отказов положительный ответ меня даже удивил, но еще более удивителен оказался сам тон письма:

«Неожиданное предложение – я уж было начал сомневаться, что в тебе нет предела мерзости. Благодарю, что разуверил. Я готов стать твоим секундантом, но только ради памяти твоего отца».

Написал это Себастиан Агилар из Дома де Лариан. Не успел я серьезно задуматься над тоном письма, как пришло второе сообщение. От Андрея Воронцова:

«Кайден, последний кальян как обычно был для тебя явно лишним. Если же ты писал мне в трезвом уме и памяти, потому что никто не хочет связываться с таким приятным во всех отношениях… господином, как ты, то я, конечно, готов – фамилии Кастельмор и Рейнар я уважаю одинаково небрежно и с удовольствием поучаствую в вашей сваре».

Хм. Десмонд упоминал что-то о марионетке Бланшфоре, но я тогда не сильно внимание обратил. Теперь же тон Воронцова напомнил и уверил: организация дуэли – совсем не прихоть обиженного изменой супруги барона, а веление покровителей.

Кастельморы, значит.

Плохо-то как – в мое время я с бычарой Кастельмором бок о бок сражался с демонами, и мы жизнь другу-другу спасали. Как этот… братец мой смог ополчить против нашей фамилии старых соратников?

Покачав головой, я вернулся вниманием к коммуникатору. Оба сообщения не сказать, чтобы оказались приятными. Вот только… других положительных ответов просто не было. Все, кому писал, уже откликнулись, и согласились только двое. Удалив заранее написанный шаблон с отказом, я с короткой сухой благодарностью отправил Воронцову и Агилару контакты секундантов барона. Оба которых, кстати, как только теперь обратил внимание, были из нижних ветвей Дома Кастельмор.

К благодарности добавил моим секундантам также пожелание, чтобы дуэль назначали не ранее завтрашнего утра, так как сегодня я еще на Юпитере. После того, как завершил формальности, отправил сообщение сенешалю замка и капитану Вальдеру о том, что на обед не останусь, присовокупив просьбу-приказ организовать мне трансфер на Европу.

Подтверждение и от капитана, и от сенешаля пришло практически сразу же.

Десмонда, который удалился в библиотеку, и о планах мне не сообщал, в известность об отбытии я не поставил. Видеть его не хотелось – в его присутствии мне становилось мерзко и душно.

Собираться мне здесь – только подпоясаться, поэтому уже через несколько минут я стоял во внутреннем дворе, где меня уже ждал автомобиль, вместе с вооруженной охраной.

В эскорте было два внедорожника: с открытым верхом, на высоких рубчатых колесах. В команде каждого – по четыре всадника. В одновременно знакомой и в то же время незнакомой мне форме: расцветка камуфляжа, как и раньше, была стандартная для варгрийских лесов и равнин – темно-зеленая с пятнами более светлых тонов. Вот только пятна теперь были не в форме округлых клякс, а непривычным собранием маленьких квадратиков.

Кроме того, в каждой команде теперь было трое стрелков, а не один, как раньше. И оружие поменялось – винтовки стали короче, но выглядели технологичнее и опаснее. Да и зеленые насечки на стволах показывали, что оружие усилено лириумом.

Единственное, что осталось неизменным – артефакторные пояса силовых сфер, браслеты щитов и варгрийские когти на поясе. Рукояти, которых также едва заметно сияли изумрудным отсветом, в тон с заполнявшим небо Сиянием.

Адские всадники выглядели внушительно и опасно, как и всегда, вот только… зацепила меня в их облике какая-то неправильность. Присмотрелся, вновь осмотрев бойцов как новым взглядом. И понял. Оружие, амуниция, экипировка – большинство не новое, где-то потертое; подсумки, ранцы, пояса – у некоторых разных цветов, разной степени изношенности. Все собранное, словно по разным полкам разных лавок.

Если бы это была группа, встреченная в полевом выходе, никакого непонимания у меня бы не возникло – мы в свое время в Корпусе, когда патрулировали границу Шрамов в составе малых рейдовых групп, вообще выглядели как разноплеменной сброд, собиравший амуницию и экипировку по разным концам

Септиколии. Но в Диком Поле и на границах Разлома всегда главным является вопрос удобства и личных предпочтений.

Здесь же – парадный плац фамильной усадьбы, крыльцо донжона, сердце фамилии, и такое… Всадники передо мной здесь и сейчас – отряд замка фамильной гвардии. И глядя на бойцов, я отчетливо видел – при сохранении боевого духа и традиций, они испытывают явный недостаток финансирования.

Варгрийские всадники, похоже, больше не в списке первых статей бюджета фамилии. Всадники Севера, стараниями Десмонда, больше не прерогатива для Врангарда. Да его стараниями и Врангарда то больше не было: Десмонд, за минувший век, явно определялся другими приоритетами в политике развития.

На меня, кстати, бойцы совершенно не обратили внимания. Я демонстративно не был для них своим – залетный гость с Европы, тем более с пепельными, а не черными как у всех Рейнаров волосами. Сопровождающие меня всадники выказывали должное почтение к высокородному аристо, но не более. Ни единого лишнего взгляда, ни капельки интереса. Я сейчас, если быть честным с самим собой, для них непонятная пепельноволосая приблуда.

Ошибался, кстати. Недооценил капитана Вальдера – уже когда садился в машину, открывший мне дверь гвардеец кивнул, едва заметно обозначив короткий поклон. И, будто невзначай, коснувшись кулаком левой стороны груди.

– Милорд, – услышал я от него едва слышное.

Вряд ли Вальдер говорил что-то вслух своим бойцам обо мне. Но информация уже расходилась без слов, кругами по воде. И внешне адские всадники Врангарда будут смотреть на меня как на пустое место, но это будет взгляд для чужих. Сами они уже все что нужно знают. Север всегда видит и слышит больше чем то, что не видят и не слышат другие.

Путь до портальных врат в Лонгфьорд – в порт-цитадель ордена Хранителей в Белом заливе, занял более трех часов. Причем все время пути я с интересом глядел в окно – раньше идущий через весь Врангард старый батарнский тракт был узкой, выложенной брусчаткой дорогой, которую мостили еще пленные септиколийские легионеры. Сейчас же меня везли по новой, широкой асфальтированной магистрали – во времена моей прошлой жизни я такие видел

только на Европе и в императорских землях Рима.

Шагает прогресс по Юпитеру, определенно шагает – думал я, глядя на аккуратные дома периодически встречающихся вдоль дороги поселений и два раза пересекая Великую реку через удивительные вантовые мосты, буквально чудо инженерной мысли.

Портальная станция Лонгфьорда, впрочем, со времени моей прошлой жизни не изменилась. Все та же оставшаяся от Древних монументальная конструкция, с небольшим солнцем – горящим желтым Сиянием ядром силы в высоком шпиле.

Две шахты желтого лириума, которые теперь принадлежат фамилии – сказочное богатство. Именно желтый лириум, не реагирующий на колебания силы Сияния зеленой короны Юпитера, служит энергией для камней силы, обеспечивая бесперебойную работу порталов. И доходы Дома Рейнар, после того как Десмонд поучаствовал в грабеже павших белых львов, должны были приносить невероятную прибыль.

Только почему-то поток доходов не добрался до варгрийских всадников. Десмонд идиот, вот как есть идиот. Не хочешь кормить свою гвардию, будешь кормить чужую – это же прописная истина, ее владеющие с молоком матери впитывают. Хотя… что я хочу от человека, который ради власти убил собственного брата.

Здание портальной станции не изменилось, но теперь оно не было одиноким строением – на площади с другой стороны, напротив, находилось не менее монументальное здание торгового представительства. Перед входом в которое висел незнакомый мне герб: стилизованный под крест меч и снизу колосья пшеницы, пересекающие его направленным остриями вверх полумесяцем.

Под щитом угадывались три сплетенные буквы: USS.

Союз Зерна и Стали, Union of Seed and Steel. В отличие от Конгрегации и Ассамблеи, других организаций терран, тамплиеры и купцы Ганзы в официальных случаях всегда использовали не латинский или французский, а англосаксонский язык. Ну и в отличие от разговаривающей на русском Новогородской республики, конечно же. Но Новогород далеко на Востоке, за шрамами Разлома, через которые есть только два узких и опасных торговых

пути.

Глянув последний раз на торговое представительство Союза рыцарей и торговцев, так неожиданно для меня взявшего большую силу, развернулся и двинулся под своды портальной станции.

Внутри здесь все осталось по-прежнему – как я помнил. Большой зал, в котором раздавалось гулкое эхо шагов, разговоры полушепотом, молчаливые служащие-хранители с закрытыми масками лицами, пустые арки ворот в разные концы света. Меня, проверив личность и удостоверившись положительными балансом и репутацией в Гильдии космогации, проводили к одной из арок под надписью «Europa» и активировали портал в Равенну.

Портальная станция в Равенне также не изменилась. И все также впечатляла – это был огромный зал на порядок больше того, из которого только я прибыл. Неудивительно – здесь, в единственном месте на Светлой стороне Европы, соединялись портальные пути всего Юпитера и Европы. И по ушам сразу ударил гомон сотен голосов, разительно отличающийся от камерной тишины портала в Лонгфьорде.

Хранителей здесь было в десятки раз больше – и едва я покинул портал, как меня сразу несколько провожатых повели к выходу, освобождая проход для других путешествующих в пространстве. Провели как индигета, по зеленому коридору, выходящему под козырек стоянки мобилей. Где меня уже ждал люксовый автомобиль с гербом Гильдии механиков и щитом таксомоторной компании на дверях.

– Особняк Кайдена Доминика Альба де Рейнар, – только и сказал я, усаживаясь в салон.

– Будет исполнено, господин, – кивнул пожилой водитель в мундире Гильдии механиков.

Пока ехали, он несколько раз поглядывал на меня в зеркало, думая, что я этого не вижу. Я внимания не обращал – смотрел во все глаза по сторонам. Впрочем, мы почти сразу поехали в предместья, и кроме озаренных зеленым отблеском сияния парков и высоких заборов я мало что видел.

Впервые в этом районе. И особняк «Кайдена» я тоже видел впервые. В мое время владений ни на Темной, ни на Светлой стороне Европы у Дома Рейнар не было. Впрочем, над воротами в каменных стенах виднелись вырезанные щиты Альба – понятно, откуда у фамилии этот особняк. Приданое, полагаю, к свадьбе с Сесилией Альба. Или шакалья добыча, которую урвал Десмонд после падения львов.

Щиты со львами, кстати, над воротами были оскорбительно неухожены. Несколько голов были совсем недавно сбиты – сколы свежие.

Дом показался мне пустым. Прислуга вела себя тише воды, ниже травы – кроме скованного (испугом?) дворецкого никто не показывался. Так как прибыл я без предупреждения, в своих комнатах обнаружил горничную. Она, меняющая постельное белье на круглой кровати в центре комнаты, после моего появления явно готова была провалиться под землю или раствориться, скрывшись с моих глаз.

– Простите, господин, простите, – как-то уж очень обреченно пискнула девушка.

Согнувшись, глядя в пол перед собой, она подхватила неподалеку стоящие ведро и тряпку, и побежала к двери. При этом двигалась так, что у меня не было сомнений – явно удара ожидает.

– Стоять, – скомандовал я.

Девушка дернулась – вжав голову в плечи, послушно остановилась.

– Посмотри на меня.

Крупно задрожав, горничная подняла взгляд. Симпатичное миловидное лицо, обезображенное широким шрамом, косо спускающимся со лба через переносицу на щеку и дальше на шею. След раны, недавно залеченной, но не до конца – так делают только в спонсируемых меценатами бесплатных клиниках для опустившегося бессословного отребья. Вот только почему слуга моей фамилии получает помощь бесплатной медицины?

– Что это такое? – показал я на шрам. – И почему это незалеченное?

Горничная едва слышно охнула, и, по-моему, даже чуть было не потеряла сознание. От страха. Ну да, от страха и совсем не «чуть было» – руки у нее задрожали, а из глаз непроизвольно брызнули слезы.

– Простите, господин, – шепотом прошептала девушка, а через мгновение покачнулась и начала мягко оседать на пол, закатив глаза.

Подхватив упавшую в обморок девушку, я перенес ее на кровать. Сходил к бару, достал маленькую бутылку минеральной воды. Намочив руку, чуть побрызгал ей на лицо. Горничная пришла в себя, открыла глаза, и… из положения лежа буквально отпрыгнула в ужасе, при этом запутавшись в покрывале, и кулем рухнула на пол.

– Тихо, тихо, – попытался успокоить я девушку.

Горничная, вконец запутавшаяся в покрывале, сейчас как из кокона смотрела на меня, будто кролик из ловушки на удава. Дав глотнуть воды, я потянул ее под локоть, помогая подняться, после чего отбросил одеяло на кровать.

– Я тебе не буду делать больно, не бойся, – произнес я, глядя ей в глаза. – А теперь скажи, что произошло? Кто это сделал?

– Вы, – едва слышно прошептала девушка.

В принципе, не удивила – чего-то подобного я и ожидал.

– Почему шрам не залечен?

– Вы сказали, что это должно послужить остальным наглядным напоминанием о том, что свои обязанности нужно выполнять безукоризненно.

– Ясно, – кивнул я. – Не волнуйся, никто в этом доме, и я в том числе, больше не причинит тебе ни вреда, ни боли. Ступай вниз, найди кого-нибудь, кто здесь главный, и передай ему мое повеление собраться всему персоналу особняка внизу, в зале. Я спущусь через десять минут.

– Будет исполнено, господин, – также дрожащим шепотом произнесла девушка и быстрым шагом, почти бегом, выскочила из моих комнат.

Постояв немного, я подошел к зеркалу.

– Вот ты какой… Кайден Доминик, – сообщил я глядящему на меня с той стороны худощавому пепельноволосому юноше с волевыми скулами и наглой рожей Альба.

Рассматривая нового себя, я вдруг поймал ощущение, что варгийская кровь в создании этого тела даже не участвовала. Ни намека на фамильные черты Рейнар. Вот не думал никогда, что наша сильная кровь при встрече с индигетами-терранами Великих Домов окажется столь слаба. Неприятно.

– Вот ты какой… Кайден Доминик Альба, – повторил я и потом добавил чуть погодя. – Был.

Спустившись вниз, обнаружил собравшихся и явно взволнованных людей из персонала – не только слуги фамилии, но и парочка гильдейских наемников. В основном передо мной стояла молодежь из септиколийцев: горничные, садовники, повара. Все явно волновались, неумело пытаясь скрыть испуг.

Спокойным были только наемные гильдийцы, среди которых выделялся массивный широкоплечий мужчина в черной куртке с шестеренкой эмблемы Гильдии механиков на груди. Ну да, с гильдиями связываться себе дороже, будь ты хоть индигет, хоть сам император, так что уж гильдейскому механику-водителю нарисовать шрам на лице даже этот дятел Кайден вряд ли бы догадался.

Поприветствовав всех, я попросил остаться только слуг фамилии. Несколько человек, выглядящих невозмутимо и независимо – в том числе и механик-водитель, зал покинули. Я прошел мимо оставшегося неровного строя, глядя себе под ноги и считая шаги. Задумался было, с чего начать, а потом вдруг даже замер – понял, что собравшиеся до дрожи боятся неизвестности; того, что может взбрести в голову этому ублюдку…

Так, стоп.

Ублюдку. Догадка буквально озарила пониманием.

Десмонд явно что-то недоговаривает, причем мнется он, как благородная европейка на первом свидании. Может быть, Десмонд недоговаривает о том, что Кайден – не его внук? Член фамилии, но без варгарианской крови? Ну не может быть, чтобы наша кровь была столь слаба.

Понятно тогда, почему он решил выгнать душу этого у… Кайдена в Посмертие и вызвать одного из предков по Реке Крови.

– Уважаемые, я вас всех приветствую, – оборвав мысли, обернулся я наконец к собравшимся. – Сегодня у нас случилось несчастье: будучи в фамильном замке Дома Рейнар, я споткнулся на лестнице и упал. Сильно, больно, и не один раз – там лестница крутая, ступенек много, я почти каждую на прочность головой проверил. И в результате этого прискорбного случая я потерял память. Так бывает при сильном ударе, а мне их досталось сразу много. Но память потерял я не совсем – помню имя, помню, как нужно держать ложку с вилкой, помню даже, что нужно делать на первом свидании с девушкой… но забыл все, что связано с моей предыдущей жизнью. И я только что узнал, что… как тебя зовут?

– Мэри, молодой господин, – пискнула горничная со шрамом.

– Я только что узнал, что увечье Мэри – оказывается моих рук дело. Более того, с удивлением я узнал, что это именно я запретил ей лечить шрам на лице, чтобы это было для вас для всех наглядным уроком. Так?

Судя по несмелым кивкам и шепоту: «Да, господин», все было так.

– Ясно. Сейчас… как тебя зовут, уважаемый?

– Гервант, молодой господин, – сделал шаг вперед пожилой управляющий.

– Сейчас Гервант отвезет Мэри в лечебницу богини Живы, где ей уберут шрам и исправят все недостатки внешности, и сделают это за счет Дома Рейнар. Вы же все, остальные, каждый за это время составите по письму – по письму мне, с перечислением боли и страданий, которые я причинил вам за время вашей службы. Прошу быть откровенным, кто будет что-то утаивать, будет наказан.

Для остальных – тех, кто не является членами и слугами фамилии Рейнар, мои слова и задание держать в тайне. Выполняйте, – кивнул я ошарашенным слугам особняка и направился к себе в кабинет.

Мэри и Гервант вернулись через три часа. «Исправление недостатков внешности» вылилось в то, что Мэри из симпатичной (если бы не уродливый шрам), но простой провинциальной девчонки превратилась в самую настоящую диву, способную будоражить любые умы.

Внешне она изменилась не сильно, но жрицы богини Живы, как это они умеют, сделали из нее красавицу, от которой взгляд невозможно оторвать. Так что девушка теперь лучилась жизненной силой, буквально озаряя все вокруг. Настолько она изменилась, что и среди девушек-индиго не выделялась бы.

До самого вечера я, вместе с Мэри, которую позвал как информатора, чередовал ее расспросы, обращение к светской хронике через коммуникатор и читал записки от прислуги. Некоторые из слуг фамилии, скрупулезно выполняя мое указание, накидали страданий на два, три, а двое даже на четыре листа. И перечитывая художества Кайдена, этого больного ублюдка, я все меньше и меньше испытывал светлой грусти о том, что этот молодой человек наш мир покинул. Но еще более я был… поражен и ошарашен, мягко сказать, когда узнал причину того, почему была удалена переписка с Алисией.

Алисия Юлия Альба – младшая дочь фамилии, которая оскорбительным решением Сената, отозвавшего регентов, совсем недавно стала главой Великого Дома Альба. Оскорбительным потому, что тянул Сенат с отзывом регентов целый год, причем без видимых причин.

С Алисией Кайден крутил образцовый роман – как в романтических книгах, что печатают для юных леди, раз за разом удивляя Алисию романтическими ухаживаниями. Которые Мэри описывала с чувством и смаком – явно завидуя.

Вот только совсем недавно, в январе как раз, на закрытом приеме среди узкого круга молодежи индигетов Кайден оскорбил и обсмеял Алисию, признавшись при всех, что все случившееся было игрой. Высказав девушке, что считает, что она реагировала на его ухаживания только ради того, чтобы получить его, Кайдена, обратно в свою фамилию. Ему же, сыну тамплиера и внуку канцлера, павшие и дохлые львицы с обочины истории даром не нужны. После такой

отповеди Алисия, опозоренная, с приема просто убежала.

Мэри рассказывала ярко, в красках – она была в курсе всего этого, потому что прием проходил как раз в этом особняке. Мне же теперь, после ее рассказа, еще сильнее хотелось кого-нибудь убить. Вернуть из Посмертия, чтобы убить снова.

Теперь мне стал понятен и тон ответов Воронцова и Агилара, и круг общения Кайдена из третьего сословия и лицедеев. Я бы сам с таким дерьмом общаться бы не стал. Другое дело, что этот парень, похоже, не отличался большим умом – и у меня сразу же возник вопрос: самостоятельно ли он решил так жестко унизить новоиспеченную герцогиню, смешав ее с грязью (хорошо хоть на малом молодежном приеме, не перед всем светом), либо же ему кто подсказал?

И еще что было мне непонятно, самое главное – почему только Бланшфор вызвал это ничтожество на дуэль?

Когда язык Мэри от долгих рассказов уже заплетался, и все ярче светилась зеленая корона Юпитера, озаряя призрачным зеленым отблеском стены кабинета, дверь распахнулась и в мои комнаты широким шагом вошел Десмонд. Мэри при появлении канцлера Сената (явно разъяренного) едва снова не упала в обморок.

– Вон, – коротко бросил Десмонд, и Мэри, спотыкаясь, исчезла практически телепортацией. Надо потом с ней и с остальными поговорить о том, что в моем доме слушаться нужно только меня.

– Ты что делаешь? – даже без приветствия начал Десмонд.

– Меняю жизнь к лучшему, – пожал я плечами, внимательно глядя на так непривычно выглядящего, постаревшего брата.

– Ты что творишь, придурок?! Ты хочешь, чтобы нас с тобой обоих отправили на плаху за некромантию?

– Ты вообще о чем?

– Зачем ты рассказал слугам фамилии о своей потере памяти? Ты бы сразу пошел в отделении Конгрегации и…

– Десмонд. Брат, – спокойным голосом ответил я. – Случилось несчастье, в родовом замке я упал головой и потерял память. Такое бывает, не волнуйся…

– Зачем тебе кричать об этом всем так громко!? Это же может быть поводом подозревать… – заорал Десмонд, брызгая слюной.

– Ой, да мне насрать, – уже грубо прерывая его, только и махнул я рукой. – Во-первых, я рассказал о потере памяти лишь слугам фамилии, они все связаны клятвой. Понимаешь, это, как и вопрос чести – или есть, или нет. Или для тебя слуги фамилии уже не члены фамилии? Во-вторых, – повысил я голос и не дал ему и рот раскрыть, – в мире есть только несколько вещей, которые стоит уважать и о которых стоит переживать, и ради которых стоит жить и умереть. Рассказать тебе об этом, или…

– Что ты собираешься делать? – рявкнул Десмонд, прекрасно видя, как я, даже не скрывая насмешливого выражения на лице, включил долгую пластинку.

– Сейчас я собираюсь покушать, на кухне повар обещал мне приготовить карбонару, как я люблю. Потом я немного потренируюсь, потом лягу баньки на пару часов, а потом, когда отблеск коснувшегося Юпитера солнца утром осветит Европу, я поеду на дуэль.

Десмонд, похоже, от моего спокойно-насмешливого тона подошел к грани неконтролируемой ярости. Ладно, хватит его провоцировать.

– Брат, ты не волнуйся так, дуэли не будет, – соврал я. – Сатисфакцией за оскорбление гордости Бланшфора я отдам два года жизни службой на передовой границ Разлома – ничего ведь не изменилось, за чужую жену по-прежнему два года службы дают? Твой внук, – внимательно посмотрел я ему в глаза, – попользовал чужую жену при живом муже. Так не делается, это не по чести и за то надо заплатить.

– Ты должен пройти посвящение в Сиянии!

– Почему? – уже с выражением «да ладно тебе, я же все понимаю», поинтересовался я.

Десмонд уже понял, что я догадался.

– Кайден – Рейнар не по крови.

– Да? И кто же он?

– Сесилия нагуляла его от своего конюха, поэтому мне ее и отдали, – отведя взгляд, буркнул побагровевший Десмонд.

– И тебе нужно подтверждение, что я – кровь фамилии, принятый богинями и предками?

– Да.

– Знаешь, что?

– Что?

– Мой тебе совет – возвращай адских всадников во Врангард и возвращайся туда сам. Скажись больным, хромым, усталым, влюбленным, все что угодно. Возвращайся и собирай вокруг себя наших волков – так, чтобы тебя не смогли забрать из Арля, не оставив в наших лесах три или четыре легиона. Возвращайся домой или скоро окажешься на плахе. Не сверкай так глазами, неужели ты не понимаешь, что тебя откормили, и даже без меня скоро поведут на бойню? Это был мой тебе добрый совет, из тех времен, когда я тебя любил как брата. Потому что сейчас, если ты окажешься на плахе, грустить об этом я совершенно не буду. А теперь у меня осталось очень мало времени для того, чтобы подготовиться…

К дуэли – я хотел сказать. Но вовремя вспомнил, что соврал Десмонду, что дуэли не будет.

– …к утренней встрече с посланниками стражей границы. Поэтому проваливай отсюда, и, если будет что по делу, пиши текстом. Пшел вон.

Десмонд, с исказившимся лицом, поднялся, раздувая ноздри. Я сидел и насмешливо смотрел ему в глаза.

Расстегнув ворот, Десмонд достал фамильный амулет с крыльями ворона – амулет главы фамилии, который невозможно потерять. Сжав его в кулаке, так что крылья напитались кровью, Десмонд убрал амулет обратно. Закрыв глаза, он сжал кулаки и воззвал к богине.

Момент истины.

Секунда. Две. Три.

Дева Морриган ему не отвечала. Не отвечала владельцу амулета, обратившемуся к покровительнице рода за поддержкой в подтверждении полномочий главы фамилии. Осознание этого так меня порадовало, что я даже не смог скрыть непослушную улыбку.

– Ты так тужишься, что я боюсь, как бы ты сейчас громко не…

Закончить фразу я не успел – развернувшись, с грохотом опрокинув стул, Десмонд выбежал из комнаты, хлопнув дверью.

Я же откинулся на спинку кресла и несколько минут просидел с закрытыми глазами. Чувствуя, что спина полностью мокрая от пота, да и виски щекочут сбегающие струйки.

Ф-фух.

Это было опасно.

Позволив себе лишь немного расслабиться в кратком отдыхе, я поднялся из-за стола, подошел к окну. И склонил колено перед зеленым сиянием, благодаря Морриган за поддержку.

Крайне редкое зрелище – Рейнар сам преклонил колено. Как знает каждый септиколиец и римлянин, варгарианцы Врангарда преклоняют колени только перед Рейнарами. А сами Рейнары – только перед женщинами: дочерями своей

фамилии и триединой богиней.

Крайне редкое зрелище… вот только я еще не знал, что судьба снова поставит меня на колени завтра, причем перед огромным количеством зрителей. Сейчас же, поднявшись через пару мгновений на ноги, я уже настроился на рабочий лад.

Времени оставалось немного – утром за мной уже заедут секунданты. Так что нужно немного потрудиться и получше освоиться в новом теле, чтобы завтра не отправиться обратно в Посмертие.

Глава 6

По пути в тренажерный зал я сходил в хранилище за церемониальным фамильным мечом. На месте оказались все три первичных копии – Кайден, как оказалось, никуда с ними не выходил и принадлежащее ему церемониальное оружие похоже даже и не трогал.

Все три меча – обычных, не артефакторных, были красивы и богато украшены. Оружие для дуэлей и показа на высоких приемах. Вот и пришло время продемонстрировать вороненый клинок – хмыкнул я, забирая сразу два меча. И вместе с ними провел время до утра в тренировочном зале, изрубив несколько десятков манекенов.

До моих старых возможностей, конечно, новому телу было далеко так же, как третьему сословию от Европы до Юпитера без портала Гильдии космогации… Но хотя бы не порезаться с обнаженным мечом в руках я уже смогу – резюмировал я итог ночной тренировки.

Поспал всего час. Большего и не требовалось – Кайден действительно прошел полный курс трансмутаций, в жизни имел возможность много тренироваться и отдыхать, вкусно и вовремя кушать. Так что сутки без сна – для меня в нынешнем состоянии легко, тело и дело молодое.

После короткого отдыха успел принять душ, переодеться и легко позавтракать. Едва, кстати, не опоздал – вышла заминка с одеждой. Вчера не озаботился, а сегодня пришлось побегать: мундир гвардии Дома Рейнар по протоколу дуэли, из-за моего плана событий, не подходил. А нормальных, в моем понимании вещей, у Кайдена в гардеробе просто не было.

Второпях, мешая русские и итальянские ругательства, восхваляя свой «ум и сообразительность», я все нашел кое-что: кожаную куртку с воротником-стойкой, белую футболку с воротом не до пупка, и более-менее подходящие джинсы. Пусть небесно-голубые, пусть и довольно узкие, но хотя бы не обтягивающие в облипку.

Обрадовался было, вот только джинсы, pezzo di merda, оказались короткими! Время уже поджимало, и как это обычно бывает в таких ситуациях, решение пришло быстро и экспромтом: ботинки оставил из старого наряда формы гвардии Рейнар, на высокой шнуровке, и подкатал под них штаны. Вид, теперь конечно… вызывающий.

Особенно если в комплексе смотреть, с учетом нагло-дерзкой рожи, доставшийся мне от Альба. Нет, так-то наряд был нормальным, для моды этого времени… но не очень подходящ для того, чтобы явиться во Дворец Правосудия. Ладно, с репутацией и так беда – протухшее свежим не становится, так что внимания не обращаем и гарцуем дальше.

Оделся я как раз к тому моменту, как за мной прибыли секунданты. Воронцов и Агилар одновременно выбрались из массивного, блистающего хромом решетки и фар представительского мобиля, одновременно хлопнули дверьми. Плечом к плечу они преодолели подъездную площадку и подошли к крыльцу особняка, у которого я их ждал. За три шага до меня оба одновременно остановились. Глядя на меня с бесстрастным презрением, а я вот с неподдельным интересом рассматривал их обоих.

Андрей Воронцов – широкоплечий, русоволосый. Терран-индигет из младшей ветви фамилии Воронцовых, княживших сейчас в Новогороде. В ходе смуты в борьбе за власть его прадед (которого я когда-то знал лично) Республику покинул, перейдя на другую сторону Разлома и обосновавшись на Западе. И сейчас герцоги Воронцовы – один из Домов официальной опоры трона в обитаемых землях Запада Септиколии.

Воронцов был в щегольском костюме – стильном, но мне очень непривычном. Но не так, конечно, непривычно выглядящим, как мой вид в момент осознания себя на алтаре – все же в его костюме было больше духа классики. На безымянном пальце заметен массивный перстень, белая печатка с черным крестом: артефакторный меч преторианской гвардии.

«Впечатляет, в его-то годы», – мысленно удивился я. Хотя… больше ста лет прошло, а уже в мое время офицерские патенты в лейб-гвардии покупали. Тем более что префект претория – тоже из фамилии Воронцовых. С другой стороны, глядя на волевое лицо этого молодого Воронцова, не кажется, что он способен на покупку патента, без прохождения службы на границе.

Ростом Воронцов был хоть и чуть пониже меня, но при этом позу принял такую, чуть задрав подбородок, что умудрялся смотреть и с насмешкой, и словно сверху вниз.

Себастиан де Лариан, маркиз Агилар, будучи одного роста с Воронцовым, не так хорошо владел языком тела. И видом от него кардинально отличался. Худощавый, смуглый, с темными, с оттенком глубокой синевы волосами, и подсвеченным сиянием небесно-голубым взглядом: восточная ветвь де Лариан, маркизов Агилар, традиционно во взрослении детей фамилии использовала вместо мутагенов только синий лириум, и на внешний вид это влияло соответствующе.

Агилар, как и Воронцовы, принадлежали к терранам-индигетам. И, как и Воронцовы, Агилар бежали из родовых земель. Только случилось это раньше, три века назад. Дом Агилар заимел проблемы с инквизицией и в полном составе бежал из Рима и с Юпитера сюда, в Равенну, на Темную сторону Европы – где Конгрегация не имела сильного влияния.

Глядя на темные, густо-синие волосы Себастиана, я вспомнил Джессику – подумав, что стоящий передо мной Агилар может быть даже ее внуком. Грудь на короткий миг защемило, дыхание перехватило. Я даже с трудом удержался от искажающей лицо гримасы ненависти.

Агилар и Воронцов при этом переглянулись. Заметили и, вероятно, одновременно пришли к выводу, что это следствие моего волнения или испуга.

– Почтенные господа, – возвращая самообладание, кивнул я сразу обоим. – Спешу выразить свою безмерную благодарность за то, что изъявили желание выступить моими секундантами.

Воронцов и Агилар вновь переглянулись.

– Это ты так обтекаемо сказал, что больше никого на эту роль не нашлось? – хмыкнул Воронцов, не принимая официальный тон. – Остальные побрезговали?

Он смотрел на меня с отстраненным, даже брезгливым интересом. А вот во взгляде темных глаз Себастиана читалась неприкрытая неприязнь.

– Нет, не нашлось, – легко ответил я. – Да, побрезговали. Или может испугались – кто знает? – чистым взглядом ребенка я посмотрел на небо, пожав плечами.

– Надеюсь, в этом поединке жабы и гадюки победителей не будет, – буркнул Агилар.

Воронцов при этом едва заметно поморщился – прямые оскорбления никогда не считались достойным и красивым аргументом во время куртуазного обмена уколами.

– Дорогой Себастиан, смею заверить – разочарованным ты не будешь, – кивнул я ему с прежней усмешкой. – Еще раз спасибо, что откликнулись, я также очень рад вас видеть. Не пора ли нам в путь?

Воронцов и Агилар вновь переглянулись. Посмотрев на меня, синхронно кивнули. Агилар, выполняющий роль второго секунданта, прошел мимо и взял заранее мною приготовленный массивный кейс с дуэльной экипировкой, в котором были артефакторные браслет щита-эгиды и силовой пояс – генератор полной защиты, а также фамильный меч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/delakruz_aleks/caretvorec-volchiy-pastyr

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить